

АБИССИНЕЦ 3

— ★ — 1889 — ★ —

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ • СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых)

Сергей Насоновский
Абиссинец 1889. Том 3

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1889. Том 3 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века.

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Неожиданная встреча	5
Глава 2. Запах динамита	12
Глава 3. Слово офицера	19
Глава 4. Веники из пихты	26
Глава 5. Отрез муслина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых Абиссинец 1889. Том 3

Глава 1. Неожиданная встреча

Тяжёлые сходни легли на берег. Народ уже предвкушал и гадал, какие товары должны были привезти, галдеж разрастался. После недавних тревожных событий приход купеческого судна стал для станицы настоящим праздником.

Едва сходни закрепили, на пристань стали сходить важные пассажиры. Среди них был и дядя Аркадий.

Рядом с ним шёл чиновник лет сорока, крепко сбитый, в парадной форме Министерства путей сообщения. Тёмно-зелёный двубортный мундир сидел на нём как влитой. На воротнике и обшлагах чернел бархат с серебряным шитьём, на блестящих пуговицах виднелись скрещённые топор и якорь. Из-под полы мундира, на португее, выглядывала рукоять шпаги. Загорелое лицо обрамляли густые борода и усы, а на фуражке темнел бархатный околыш с серебряной кокардой.

— Аркадий Игнатьевич! — окликнул я, делая шаг навстречу.

Дядя обернулся, спокойно сошёл на берег и дождался, пока я подойду.

— Живой, чертяка! — сказал он и похлопал меня по плечу. — А я уж, признаться, наслушался всякого. Ну, здорово был, племяш!

Он слегка приобнял меня, осторожно, чтобы не разбередить рану.

— Слава Богу, Аркадий Игнатьевич, — ответил я.

Признаться, я и сам не ожидал, что так буду рад его видеть обрадуюсь, родная кровь как-никак.

Аркадий Игнатьевич повернулся к чиновнику, тот в это время рассматривал нашу станицу.

— Александр Иванович, познакомьтесь. Это мой племянник, Андрей Громов. Недавно переселился в эти края. Андрей, это господин Александр Иванович Урсати, начальник Южно-Уссурийской изыскательской экспедиции.

— Доброго здоровья, ваше высокоблагородие, — постарался вытянуться я.

Александр Иванович ответил легким, сдержанным кивком.

— Наслышан о вас, молодой человек. Аркадий Игнатьевич кое-что успел поведать о вашем переходе из Одессы, а потом и из Адена.

Дядька покосился на мою руку.

— А с рукой что, Андрей? Опять куда-то вляпался?

— Да так, дядя, в лапту под дождём играли, — отшутился я.

Рассказывать сейчас, где именно получил травму, было не время и не место. Да и по всему видно: Урсати с дядей прибыли сюда вовсе не из-за меня.

— Ладно, Андрей, сейчас дела решим и поговорим, — Аркадий Игнатьевич поправил фуражку. — Стоянка у нашего катера короткая. Где тут у вас станичное правление? Нам с атаманом переговорить нужно.

— Провожу. Тут всё рядом.

Мы поднялись от реки к центру станицы. У правления было людно, но, завидев парадный мундир инженера, казаки расступались. На крыльце стоял крестный. Увидев дядьку, он на миг замер, словно глазам не поверил. Потом лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Аркадий!

Они крепко обнялись. У дяди даже фуражка съехала на затылок.

— Ох, Степан! Сколько лет! Гляжу, седина уже в усах! — хохотнул Аркадий Игнатьевич. — Да и я, как видишь, не молодею.

— Энто да. А ты, гляжу, и вовсе столичным франтом стал! — похлопал крестный его по спине.

Было видно: двум землякам, выросшим бок о бок, не терпелось поговорить вдоволь, им было что вспомнить. Но дядя быстро вернулся к делу.

— Степан, рад видеть, но времени в обрез, — он кивнул на Урсати, стоявшего чуть поодаль. — Это Александр Иванович. Нам к вашему атаману нужно.

— Денис Иванович у себя. Пойдёмте, ваше высокоблагородие, провожу.

Они скрылись за дверью, а я остался на улице. Делать мне внутри было нечего, и я решил пройти до пристани, где уже всюю разгружали катер.

У воды увидел Ильку и Сашу. Они почему-то до сих пор не поднялись на борт. Чуть поодаль баба Серафима сидела на узлах и ворчала себе под нос, прижимая к боку корзину.

— Что стряслось? — спросил я, подходя ближе. — Чего на борт не идёте? Гудок, наверное, скоро дадут.

Саша раздражённо кивнула на катер.

— Стоим как неприкаянные. Капитан сказал: пока казённое добро не выгрузят, да начальство большое не подымется, остальных пассажиров не пускать. Вот и ждём.

Я перевёл взгляд на судно. На палубе кипела работа. Матросы вместе с казаками таскали на берег мешки, длинные ящики и тюки.

— Вот и добре! — услышал я знакомый голос.

Здоровяк сгрузил на землю тяжёлый мешок, вытер пот со лба и широко улыбнулся.

— Ну что, Абиссинец?! — радостно гаркнул Сашка Моренченко. — Иди хоть поздороваемся по-людски!

Я рассмеялся и шагнул к нему. Мы крепко обнялись.

— Легче, Саня, раздавишь. Рука, вишь, поломана, — скривился я.

— Да сказывали нам уже, что у вас тут случилось.

— Есть такое. Ничего, заживёт. Ты-то в Лончаково какими судьбами?

— А вот такими, Андрюха. Нас после «Костромы» ещё неделю во Владивостоке мариновали, в карантине. Всё думали да гадали, куда нас таких красивых отправить. Потом отрядили

в Большой Камень, там казачий гарнизон стоит. Вот я и тянул лямку до поры. Мы все ждали указа о создании нового войска. Вы-то тут, поди, уже знаете?

— Как не знать. Недавно праздновали. Теперь наша станица к Уссурийскому казачьему войску относится.

— Ну вот! — просиял Моренченко. — Как указ вышел, нас десяток охочих набрали да сюда отправили. Граница у вас, говорят, беспокойная, а изыскателям господина Урсати охрана в тайге потребуется. Дальше уж не знаю. Скорей бы осесть на одном месте, а то надоело это все мотание.

Он махнул рукой в сторону выгруженного скарба. Там стояли прибывшие казаки, всего девять человек. Десятым выходит и был Моренченко. Чуть дальше, на узлах, сидели в ожидании три женщины с ребятишками. Значит, и семейные прибыли.

— Нам сейчас к вашему атаману надо, — Сашка оглядел станицу. — Чтобы как положено оформили, ну и узнать, куда нас на первое время определяют. Пока пай выделяют, пока курени свои срубим. Лето короткое, работы невпроворот.

— К атаману в правление, — показал я рукой.

— А ну, братцы! Хорош лясы точить! Стройся! — раздался голос их десятника.

Сашка подмигнул мне.

— Ладно, Абисси́нец, ещё свидимся.

Он развернулся и побежал к своим. Казаки разобрались по ранжиру, подравняли строй, звякнули амуницией и двинулись к станичному правлению.

Я проводил их взглядом и вернулся к Ильке с Сашей. Они всё так же томились у сходней.

Саша смотрела на меня с улыбкой.

— Андрей, а чего этот казак тебя Абисси́нцем кличет?

— Да как-то прилипло, когда мы ещё на «Костроме» шли.

Илька прищурился.

— Андрей, а этот здоровый казак с тобой тогда в Новой Москве от французов отбивался?

— Нет, Илька. Мы с Саней уже на «Костроме» сдружились. Я к ним в Адене сел, и потом морем несколько месяцев до Владивостока шли. Пару баек про Африку рассказал, казаки поохотали, вот и прилипло ко мне: Абисси́нец. Теперь уже и не помню, кто первым назвал. Плыли-то мы тогда, как сельди в бочке.

Илька посмотрел на сопки за рекой и задумчиво произнёс:

— Абисси́нец А что, звучит.

Мы с Сашей переглянулись и рассмеялись.

— А тот важный, в мундире, это кто был? — спросила Саша, отсмеявшись.

— Мой родной дядька, Громов Аркадий Игнатьевич, брат отца моего. Он торговый агент Добровольного флота. Это он меня сюда, в эти края, и сговорил. Я после Абиссинии да Адена домой, на Кубань, хотел возвращаться. Но там родни не осталось, а тут крестный есть. Вот дядя Аркадий и предложил сюда перебираться.

Саша лукаво прищурилась.

— Ну и как, доволен выбором?

— Как видишь, — усмехнулся я и помотал сломанной рукой. — Тут не соскучишься.

Мы снова рассмеялись. Легко, почти беззаботно. На миг даже показалось, будто всё плохое осталось позади: хунхузы, смерти, бесконечные дожди. Но боль в руке быстро вернула меня на грешную землю.

— Обождите меня тут немного, — сказал я. — Сбегаю к правлению, хоть парой слов с дядькой перекинусь. Он сейчас выйдет, сядет на катер, и поминай как звали. Сами видели, какая с ним птица важная. Долго ждать не станут.

— Беги, Абисси́нец, подождём, — махнул рукой Илька, улыбнувшись.

Я поспешил вверх по улице.

Дядька с инженером и атаманом ещё заседали. На крыльце никого не было, зато в тени раскидистого кедра возле правления ожидали прибывшие казаки. Они уже знакомились с нашими, делились новостями и присматривались к станице, в которой им предстояло жить.

Ждать пришлось минут двадцать. Я прислонился плечом к нагретым солнцем брёвнам и стал слушать разговоры.

В центре внимания оказался Сашка Моренченко. Он размахивал руками и что-то в красках рассказывал Албазову и братьям Трофимовым. Здоровяк обернулся, заметил меня и радостно крикнул:

— О! Андрей! Подойди, чего ты там один стоишь, как бобыль?

Я подошёл. Сашка тут же хлопнул меня по здоровому плечу и продолжил, уже для всех:

— Ну и вот, слушайте дальше. Выхожу я от своего денника, слышу: шум, гам, кони бьются. Глядь, а Андрюха уже одного матроса в переборку припечатал, аж доски трещат. И к нему ещё трое с кулаками бегут. Ну я, ясное дело, стоять не стал. Раскидали мы эту матросню, а потом начальство сбежалось. Думали, всё, точно в карцер обоих определят. Могли ведь и под трибунал отдать. Да, Абиссинец?

Албазов, внимательно слушавший кубанца, удивлённо вскинул брови.

— Абиссинец? Это ты, что ли, Андрей?

— Ну да! — с удовольствием подтвердил Сашка. — На «Костроме» его все так звали. А он вам разве не говорил?

— Нет, — Албазов почесал подбородок и с улыбкой посмотрел на меня. — Он нам, похоже, много чего не рассказывал. Что ни день, то про Андрюху новые вести. То от хунзузов сбежать умудряется, то режет их пачками, то награды ему на грудь вешают, а теперь выясняется, что он ещё и Абиссинец.

Казаки заулыбались, разглядывая меня словно в первый раз. А Моренченко, воодушевлённый произведённым эффектом, уже продолжал:

— А-а, так вы ещё не знаете! Тогда послушайте, как мы с Андрюхой лошадиный ремонт с «Костромы» во Владивостоке на плашкоуты сгружали

— Андрей! — раздался голос с крыльца.

Я обернулся. На крыльце стояли Степан Анисимович и дядя Аркадий. Я кивнул казакам и отправился к ним.

— Да, чугушка нужна. Как без неё? — услышал я голос крестного. — Войска при нужде быстро перебросить, продовольствие, переселенцев, да и для торговли опять же. А уж если через наши земли она ляжет, тогда совсем хорошо будет. Эх, заживём тогда.

— Поглядим, Степан, поглядим. Пока изыскания пройдут, дело это небыстрое, — ответил дядька.

Потом заметил меня и похлопал крестного по плечу.

— Степан, ты извини, мы с Андреем на пару минут отойдём. По-семейному поговорим перед отплытием.

— Конечно, Аркаша, — понимающе кивнул Кравцов и ушёл в правление.

Мы с дядей отошли подальше от гомонящих казаков.

— Ну как ты тут устроился, племяш? — негромко спросил он. — Степан о тебе хорошо отзывается. Хвалит.

— Всё своим чередом, дядь Аркадий. Обживаюсь.

Дядька скользнул взглядом по моей руке и усмехнулся.

— Говорят, ты и повоевать успел? Ну да с такими соседями по-другому трудно.

Улыбка ушла с его лица. Аркадий Игнатьевич стал серьёзным.

— Возвращаясь к нашему делу, Андрей. То, что я под легендой торгового агента Добровольного флота иду в Хабаровку, правда. Под строительство чугушки выделяются большие, даже огромные деньги из казны. А где большие деньги, там и желающие карман набить в оче-

редь встают. Подрядчики, чиновники, посредники За ними глаз да глаз нужен. Но это только одна сторона.

Он достал из кармана портсигар, повертел в пальцах, но закуривать не стал.

— А вторая уже по моей части. И, выходит, теперь по твоей тоже. Помнишь, я в Адене рассказывал про Большую игру?

Я кивнул.

— Тут, Андрей, кажись, ее новая партия разворачивается. Железная дорога англичанам как кость в горле. Россия с ней получит прямой ход к Тихому океану, а с ним и влияние в здешних краях крепко усилится. И наоборот роль Суэцкого канала станет менее важной. Вот они и начинают пакостить, откуда могут. Думаю, у последнего налёта на станции по Уссури, включая ваше Лончаково, ноги могут оттуда расти. Это ж надо было бандитам как-то платить, кормить, оружие покупать. Самим такое организовать очень трудно. Почти невозможно. Да и сами нападения были хорошо продуманы, все по науке сделали черти. И это, Андрей, только начало.

Дядя оглянулся, проверяя, не греет ли кто уши, и шагнул ближе.

— Ещё один момент. Недавно во Владивостоке, на Миллионке, взяли двух манз. С виду-то они обычные артельщики. Только перепили и деньгами разбрасывались большими, каких у них быть никак не должно. Местные их тряхнули, ведь подумали, может, украли или еще где начудили. А вышло и того интереснее. При них нашли карты, вернее, рисунки. На них отметки русел, глубины, броды, повороты почтовых трактов, станции и много чего еще. Разобрались и поняли, что японцы нанимают манз для картографической работы, и вообще разведку ведут. Да и здесь, на нашей стороне, кто-то воду мутит. Пока в основном банды из беглых каторжан сколачивают, уже несколько случаев было по Амуру.

Я слушая его, вспомнил недавнюю встречу на берегу.

— Знаешь, дядь, были у нас тут одни манзы-отходники. Станичники говорят, каждое лето они приходят на работу в Лончаково наниматься. Им даже русские имена почти всем дали, чтобы не путать. Ушли они аккурат перед дождями. Накануне нападения, кстати.

Я помолчал и добавил:

— И ещё приметил, как двое из них по мелководью с шестами лазали, записи делали. Мне тогда объяснили, что рыбачить собираются. Я о том крестному говорил, а потом нападение это

— Где они сейчас?

— Божились, что после дождей вернуться. Вон там, за излучиной, их лагерь стоял.

Аркадий Игнатьевич кивнул и убрал портсигар.

— Хорошо, Андрей. Вот такие мелочи подмечай и в уме держи, а лучше записывай. Как эти рыбаки вернуться, ты не спугни их. Понаблюдай тихо, узнай, что делают, куда ходят, с кем из местных чаще встречаются. Погляди, не уходит ли кто из них на тот берег.

— Понял, дядя. Пригляжу.

— Я с Александром Ивановичем в Хабаровку схожу, дела там обустрою. На обратном пути обязательно остановлюсь в Лончаково на пару дней. Тогда мы и с тобой, и со Степаном хорошенько посидим, а не как сейчас второпях. Ну и, если выдастся, с этими манзами-рыбаками по душам поговорим.

— Аркадий! — донёсся голос крестного.

Степан Анисимович подошёл со стороны правления. За его спиной маячил капитан катера и то и дело поглядывал на карманные часы.

— Аркадий Игнатич, к атаману в кабинет зайди. Господин Урсати требует твоего присутствия. Там у них по картам с местностью что-то не сходится.

Дядя кивнул, поправил мундир и пошагал к Огороднику.

Капитан за спиной крестного не выдержал:

— Степан Анисимович, помилуйте! Это же надолго. Мы и так по графику отстаём, отчаливать пора!

Крестный повернулся к нему.

— А ты, Андрей Викторович, не суетись. Тут дело государственной важности. Твой купец потом за эту задержку ещё в ножки поклонится. Сказано обождать, значит, обождите.

Капитан махнул рукой и двинул к пристани. Дядька кивнул мне, мол, позже договорим, и направился в правление, откуда уже доносились громкие голоса Урсати и атамана.

Когда они ушли, крестный повернулся ко мне.

— Значит так, Андрей. Как катер отчалит, поедем с тобой в Козловскую. Земельный пай станем оформлять.

— Прямо сегодня? — удивился я.

— А чего тянуть? С землёй сразу разбираться надо. Я для тебя один хороший кусок присмотрел. А новые станичники, что прибыли, быстро осмотрятся и вмиг тебя обставят. Оглядеться не успеешь, лучшие пай разберут. Будешь потом где-нибудь на буераках куковать.

— А куда кубанцев этих определяют? Казармы-то у нас нет.

— По дворам такую ораву не пристроишь. Пока в станичный амбар поселим, места там хватит. Быт себе сами помаленьку сладят. Даст Бог, за лето поможем новые дворы срубить. Леса кругом вдоволь. Сначала семейным поставим, потом и холостым.

Он покосился на меня с хитрецей.

— Хотя смотрю я на Сашку и думаю: а что? Ладная бы из вас семья вышла. Девка бойкая, правильная, казачка опять же.

Я только качнул головой, уходя от ответа.

— Ладно, дело молодое, — усмехнулся крестный. — Пошли в курень, седлать коней будем. Пока суть да дело.

На подходе к дому Степан Анисимович вдруг свернул с тропы.

— Давай-ка забор обойдём.

Мы углубились туда, где станица переходила в густую чащу, и вскоре вышли на просторную поляну, заросшую папоротником.

— Видишь? — крестный обвёл рукой участок. — Тут земля выше моей. Паводком её не достанет. А если дальше к кромке тайги пройти

Мы сделали ещё несколько десятков шагов. Деревья расступились, открывая вид на глубокий широкий овраг. На дне его вилась небольшая речушка.

— Получается, ты тут, на краю оврага, сможешь крепким заплотом оцетиниться. С тыла ни один лиходей не подберётся. И рыба будет считай под рукой. Речка летом мелкая, по колено, а по весне разливается, но не шибко, морды ставить можно. Зато вода чистейшая. Послушай меня, — ткнул меня пальцем в грудь крестный,

— Этот участок, Андрей, надо брать. Прямо соседями будем, ведь от моего забора до твоего рукой подать. Строиться можно не торопясь, пока всё равно у нас живёшь. Но думать уже пора начинать.

Я окинул взглядом место. Оно и правда было ладное. На небольшом подъёме овраг за спиной, вода рядом, лес опять же. Для хорошего куреня лучше и не придумаешь.

— Дело хорошее, Степан Анисимович, — проговорил я, прикидывая расстояния. — Только вот что подумал. Когда мы от хунхузов по куреням сидели и отстреливались, связи между дворами почти не было. А если бы можно было перебегать от одного дома к другому? Под землёй, например, да или хотя бы по защищённому ходу.

Крестный задумался, а я указал от воображаемой границы своего участка к его забору.

— Что, если от моего будущего куреня до вашего проложить крытый коридор? Траншею выкопаем, укрепим толстыми брёвнами, сверху дерном обложим. А в стенах скрытые бойницы прорубим. Выйдет серьёзный такой оборонительный рубеж.

— Хорошее дело говоришь, Андрей, — медленно произнёс крестный. —хлопотно, конечно. Но так, почитай, всю станицу можно в единую крепость связать. Надо с атаманом обмозговать.

Он хлопнул меня по спине и улыбнулся.

— Ну что, Андрей? Берём землю?

— Берём.

Мы вернулись во двор.

— Кстати, Беркута твоего пора забирать, — сказал Степан Анисимович. — Атаман бумаги уже подготовил, конь теперь за тобой числится. А кобылу Александры давай пока в станичную конюшню переведём на постой.

Мы выехали со двора и рысью направились к правлению. За закрытыми окнами кабинета атамана спор был в самом разгаре.

Степан Анисимович натянул поводья, останавливая коня.

— Не закончили ещё, — усмехнулся он. — Ладно, Андрей, ступай пока к своим на берег, проводи Сашку. А как катер отчалит, дуй сюда.

Я оставил Грома у коновязи.

Тут снова появился капитан. Он настойчиво постучал в окно, оттуда выглянул дядька. Капитан уже набрал воздуха, чтобы ругаться, но дядя его опередил:

— Сейчас, Андрей Викторович. Господин Урсати с атаманом по бумагам почти закончили. Ещё пять минут, и отчалите. Можете пока машину запускать.

Крестный заметил меня и крикнул:

— Беги к причалу, Андрей, я сейчас подойду.

На берегу утомлённые Илька с Сашей сидели на бревне. Баба Серафима устроилась неподалёку, приглядывала за узлами и уже поглядывала на катер так, будто собиралась брать его штурмом.

— Ну что, не сгорели тут на солнышке? — спросил я.

Илька посмотрел на стоящий у причала катер и вздохнул.

— Пока ждём, я бы на своей лошади уже до Хабаровки доскакал.

— А я уже пожалела, что вообще собралась, — проворчала Саша.

В этот момент со стороны правления показалась процессия: мой дядька, Денис Иванович, крестный и Урсати.

Капитан заметно оживился, выскочил к сходням и скомандовал:

— Так, народ! Готовьтесь грузиться! Времени на всё про всё десять минут!

И тут я понял, что за разговорами о шпионах и картах забыл спросить у дядьки самое главное. Когда его ждать обратно? Как подать весть, если он задержится? Кому писать, если манзы-рыбаки вернутся раньше?

Я сорвался с места и побежал ему навстречу. Илька с Сашей поднялись, подхватили вещи и неспешно пошли следом, готовясь наконец попасть на борт.

— Аркадий Игнатьевич! — крикнул я.

Но дядька меня не услышал. Гомона на пристани хватало.

Как раз в этот миг капитан отдал команду, огласив всю пристань:

— Заводи машину!

Из глубины катера донёсся металлический лязг. Машина издала первый рык, готовясь проверить плиты.

В следующую секунду оглушительный грохот ударил по ушам. Над рекой взметнулся ослепительный столб огня, чёрного дыма и воды. Катер у всех на глазах разнесло в щепки.

Ударная волна швырнула меня назад. Земля, небо, дым и пристань смешались в чёрную кашу. А в ушах устойчиво стоял ревущий гул этого безумия.

Глава 2. Запах динамита

Я лежал на спине. Надо мной плыли серые облака. Почему серые, я в тот миг не понимал. В ушах звенело, тело ломало так, будто меня тащили по камням и довольно далеко.

Попытался приподняться и тут же зашипел от боли. Когда в голове чуть прояснилось, я повернулся к реке.

Взрывом катеру разворотило корму и машинное отделение. Швартовы лопнули, искореженный дымящийся остов отбросило на стремнину. Его протащило ниже по течению, пока более-менее целая носовая часть не врезалась в отмель дальше за станицей. От судна уцелела только шкиперская рубка на носу, да торчал заваленный обломками шпиль.

Сквозь звон в ушах пробились крики, ржание перепуганных лошадей, топот ног. Я с трудом сел и огляделся.

Илька и Саша были недалеко. Их спас штабель ящиков. Сашка сидела на земле, обхватив голову руками, а гольд, шатаясь, пытался поднять ее за локоть.

Тем, кто стоял ближе к сходням, не повезло. Люди лежали вповалку. Из пассажиров, толпившихся у самой воды, трое уже не подавали признаков жизни.

Чуть поодаль лежал и инженер Урсати. Над ним, опустившись на колени, суетился дядька, нащупывая пульс. Лицо крестного было залито кровью от мелких рассечений, но сам он держался на ногах.

Атаману Денису Ивановичу досталось тяжелее всех. Он оказался совсем близко к катеру в момент взрыва и теперь лежал ко мне спиной. Из-под правой ключицы у него торчал скрученный кусок металла.

Со стороны правления к реке уже бежали станичники.

— Стой! Ничего не трогать! Назад! — срывая голос, кричал дядька, пытаясь оттеснить толпу от места взрыва.

Но его не слушали.

— Аркадий, ты чего, полицмейстером себя возомнил? — подлетел к нему Степан Анисимович. — Ты же торговый агент. Куда ты лезешь?

— Степан, что тебе непонятно во фразе «торговый агент»? — холодно процедил дядька, выделив последнее слово.

Крестный на миг осекся, взглядываясь ему в глаза.

— Понял, Аркадий. Понял.

Он рывком выдернул револьвер из кобуры Огородника и вскинул руку. Выстрел в воздух мигом отрезвил толпу. Люди шарахнулись в стороны.

— А ну стоять, мать вашу! Без команды не лезть! Сначала выносим живых! Убитых оставить там, где лежат! Обломки, железо, всё вокруг не трогать!

Теперь его услышали. Инженера Урсати, атамана и ещё нескольких покалеченных начали осторожно переносить наверх. Кто-то сообразил и погнался к берегу телеги.

В станичном амбаре на ходу разворачивали лазарет. Командование взял Юдинцев. По его приказу тащили кровати, простыни на бинты, карболку, спирт и самогон для обработки ран.

Закатав рукава по локоть, он оперировал на двух сдвинутых столах. Оценив запасы, выскочил на крыльцо и нашел взглядом Ильку.

— Илларион! Бери людей, дуй в тайгу. Мне нужна сосновая живица и мох. Много!

Илька кивнул, прихватил пару малолеток и ушел в лес. Женщины, среди них Саша с Нюркой, вызвались помогать Юдинцеву.

Инженер Урсати очнулся примерно через час. Сильная контузия у него, ушибы, но благо жив остался. Решили не держать его в общем амбаре, слишком уж важная птица, да и обстоятельства трагедии выходили мутные. Урсати перенесли в кабинет атамана, под охрану.

Юдинцев провел сложную операцию Денису Ивановичу. Вытащил железяку, зашил рану, а когда вышел на крыльцо глотнуть воздуха, по лицу его я понял, что дело худо.

— Сделал что мог, — сказал он крестному. — Но шансов у Иваныча мало.

Все это время дядька Аркадий ходил по берегу с блокнотом, зарисовывая и описывая каждую деталь. Степан Анисимович выставил у воды оцепление, чтобы туда не пролезли любопытные и страждущие.

Я стоял у реки и прикидывал, чем могу помочь.

И тут опыт Добрецова, не раз уже выручавший меня в этом беспокойном году, опять проснулся. Я повел носом и понял, что пахнет не только углем и горелым деревом. В воздухе держался резкий кисловатый душок. И сила взрыва была слишком велика. Паровой котел так не рванул бы. Здесь сработала взрывчатка.

Я ещё раз втянул воздух носом, прикрыл глаза.

Динамит. Пахло динамитом.

Вгляделся в толпу, снующую между правлением и рекой. Взгляд зацепился за неприметного человека. С виду обычный мастеровой, явно не из станичников. Одежда вся в грязи, словно его вывалили в пыли. А лицо чистое: ни царапины, ни копоты, ни рассечения.

Все, кто стоял рядом с катером, пострадали. Особенно у сходней. А этот, похоже, держался в стороне. Взрывом его просто швырнуло лицом в землю, вот и грязь.

Пока я крутил эти мысли, мимо быстрым шагом прошел дядька.

— Андрей, ты как? Цел?

— Цел.

— Иди за мной.

— Дядя Аркадий, я тут подумал Это не котел.

— Разумеется, не котел, — перебил он. — Взрыв, Андрюха. На траве и остатках сходней следы динамита. Ещё нашел обломки часового механизма.

Он говорил быстро, не сбавляя шага.

— Тот, кто его ставил, наверняка рассчитывал, что рванет уже на реке, когда мы отойдем от Лончаково. Бомба сработала при запуске машины. Либо совпадение, либо подрывник напортачил с задержкой и сам отправился к праотцам. Но если он был умнее

— Если он был умнее, то он вон там, — я кивнул в сторону площади. — Обратите внимание на мастерового. Лицо чистое. Он не из наших, и у сходней при посадке его точно не было.

Дядька проследил за моим взглядом. Потом резко повернулся к подошедшему крестному.

— Степан! Вон того мастерового видишь? Возьмите его под стражу.

Крестный, вытиравший окровавленное лицо платком, удивленно моргнул.

— Аркадий, а если не он?

— Извинимся и отпустим. Степа, брать немедленно, пока не ушел!

Крестный подал знак троим казакам. Те зашли с разных сторон, подскочили, заломили мастерового и, не слушая возмущенных криков, потащили в холодную.

Дядька повернулся к реке. На миг задумался, глядя туда, где на отмели застрял остов катера.

— Рубка уцелела, Андрей. Если капитан держал бумаги там, нам позарез нужна судовая роль. Сверим списки с выжившими и задержанным.

Он подошел к крестному.

— Степан! Нужны добровольцы на лодке. Надо проникнуть в разбитую рубку и достать капитанские бумаги, пока остов окончательно не ушел на дно. Его в любой момент может снести с мели.

Степан Анисимович хотел было кого-то кликнуть, но не успел. За его спиной появился Моренченко, а с ним ещё четверо кубанцев из новопривывших.

— Дозвольте нам, Степан Анисимович, — сказал он. — Слышал, что нужно. Мы сдюжим.

Крестный оглядел их.

— Дело опасное, братцы. Течение Уссури здесь быстрое, непредсказуемое. На веслах ходить доводилось?

— По Уссури нет, — ответил Моренченко. — Зато по Лабе и Белой в весенний паводок хаживали. Там вода с гор так несется, что валуны ворочает. Уссури рядом не стояла. Веревка крепкая найдется?

— Добре. Сейчас найдем!

На берег притащили толстую пеньковую веревку. Саня Моренченко скинул сапоги, черкеску, пояс с кинжалом, шаровары. Оставшись в одном исподнем, он перехватил один конец и обвязал вокруг торса, второй бросил товарищам, которые уже стаскивали лодку на воду.

Моренченко сел на носу. Двое кубанцев взяли за весла, ещё двое устроились ближе к корме и держали свободный конец веревки.

Стремнина подхватила плоскодонку и понесла вниз, к торчащему остову. Когда лодка поравнялась с катером, течение стало тащить ее мимо. Гребцы развернулись носом против воды и налегли на весла.

Наконец лодка ткнулась в обгоревшую обшивку. Один кубанец ухватился за выступ, удерживая ее, а Моренченко прыгнул на скользкую палубу.

Катер скрипнул. Рубка уже наполовину ушла под воду. Окна выбиты. Моренченко, осторожно ступая по битому стеклу, добрался до перекошенной двери. Дернул. Не поддавалась. Тогда ударил плечом, высадил створку и исчез внутри.

Прошла минута. Течение било в остов пенными бурунами.

Раздался металлический скрежет. Катер сорвался с отмели, накренился и стал сползать на глубину.

— Держи его! — заорал крестный с берега.

Плоскодонку качнуло. Веревка, уходившая из лодки в рубку, натянулась струной. Катер уходил под воду, утягивая за собой Саню Моренченко.

Кубанец, державший веревку, уперся ногами в борта лодки. Гребцы налегли на весла, выгребая против течения. Остов погрузился почти целиком. Над водой осталась одна обломанная мачта.

Моренченко не появлялся.

— Тащи! Тащи, мать вашу! — крикнул дядька.

Казачи рванули веревку на себя. Раз. Другой. Что-то скрипнуло, и на поверхность вынырнул Моренченко, отплеываясь и хватая воздух.

Кубанцы подтянули его к плоскодонке и перекинули через борт. Лодка накренилась, черпнула воды, но устояла. Гребцы развернулись к берегу.

Когда лодка ткнулась в гальку, мы с дядькой уже были рядом. Моренченко ещё не отдышался. Руки и ноги у него были иссечены стеклом. Он опустил на песок, откашлялся, потом сунул руку за пазуху и вытащил кожаную папку, перетянутую ремешком.

— Держите, ваше благородие, — выдохнул кубанец, протягивая папку дядьке. — Еле успел.

Дядька взял папку, расстегнул ремешок. Вода внутрь почти не попала. Плотная кожа спасла. Листы с печатями отсырели по краям, но записи читались.

— Молодец, казак. Благодарю за службу, — сказал дядька.

Он повернулся к крестному.

— Степан! Всех, кто был на берегу, кто сошел с катера или хотел на него взойти, немедленно собрать в одном месте. Никого не выпускать из станицы. Виновник взрыва ещё здесь.

Мы направились в холодную, куда отволокли первого подозреваемого. Аркадий Игнатьевич на ходу развернул папку.

— Встать, — скомандовал он.

Задержанный вскочил. Видно было, что перепуган до смерти.

Дядька сверился со списком.

— Евстафьев Кузьма Силантьевич. Так?

— Так точно, ваше благородие. Мастеровой я.

— Где был во время взрыва?

Мужик затрясся сильнее, прижимая руки к груди.

— Ей-богу, не виноват! На пароход садиться должен был, да живот прихватило. Решил перед отплытием до ветру сходить. Обрато бежал, спешил, думал, уйдут без меня. И тут как грохнет! Я с перепугу в землю лёг, аккунат в пыль лицом. Потом вскочил и гляжу, беда. Раненых носить помогал.

Степан Анисимович шагнул вперед.

— Руки покажи.

Евстафьев протянул грязные ладони. Крестный взял его за запястья, наклонился, принюхался к пальцам и рукавам чуйки.

— Нет, — бросил он дядьке. — Ничем таким не тянет.

Аркадий Игнатьевич смерил мастеравого тяжелым взглядом и махнул казакам.

— Ладно. Отпускайте. Пусть идет на площадь, но из станицы ни ногой. Сейчас будем сверять всех, кто тут есть.

Мы направились в амбар.

Дядька встал посреди прохода с судовой ролью и начал переключку. Сначала записал раненых станичников, сверяясь со Степаном Анисимовичем и мной. Потом стал зачитывать фамилии пассажиров.

Раненых получилось четверо. Теперь надо было понять, кто среди убитых.

— Может, кто хорошо знал погибших?

Отозвался купец Тимофей Трифонов, которого уже сверили со списками.

— Там точно был лейтенант и двое гражданских. Чиновниками служили, вроде.

— Фамилии знаешь? — тут же подошел к нему дядька.

— Фамилий не помню, врать не буду. Но одного звали Аристарх, а второго, кажись, Нестор.

— Откуда знаешь?

— Так мы от самого Камня-Рыболова с ними всю дорогу в картишки перекидывались.

Офицера они Павлом звали.

Дядька уткнулся в отсыревшие листы, ведя пальцем по строчкам.

— С офицером просто. Лейтенант Павел Глебович Завадский. Он?

— Точно! Завадский! — оживился купец.

— Хорошо. Теперь гражданские. Смотрим, кто садился в Камне-Рыболове. Аристарх
Есть такой. Титулярный советник Аристарх Романович Белозеров.

— Да-да, он.

— Белозеров. — Дядька сделал отметку и повел пальцем ниже. — А второй Нестор. Ага.
Коллежский асессор Нестор Ильич Смирнов.

— Они самые и есть, — кивнул купец. — Упокой Господи их души.

Дядька переглянулся с крестным. Трое погибших благородий были опознаны. Четверо
раненых найдены.

Когда в амбаре с процедурой покончили, Аркадий Игнатъевич закрыл папку.

— Степан, теперь по своим пройдишь. Кто мог на борту оказаться?

Я вмешался:

— Дядя Аркадий, из наших никто на катер не поднимался. Капитан запретил сходи
переступать, пока благородия не поднимутся. Вас с Александром Ивановичем все ждали.

— Вот как? Хорошо. Это изрядно сужает поиск.

Мы вышли на площадь. Крестный махнул рукой толпящимся людям.

— А ну, станичники, расходись! Нечего тут глазеть!

Но народ уходить не спешил.

Дядька поднял голос:

— Погибшие установлены. Но на всякий случай сверимся. Если назову вас, ваших род-
ственников или знакомых, дайте знать.

Он зачитал имена троих убитых пассажиров. Над площадью повисла тишина. Никто не
проронил ни слова.

— Значит, тут верно, — кивнул дядька. — Теперь раненые, кто находится в лазарете.

Снова зазвучали имена. Толпа молчала.

— И тут сходится. Теперь пассажиры, которые остались целы и находятся здесь. Их
восемь человек.

Он повел пальцем по списку.

— Ульяшенко Анна Васильевна!

— Я! — отозвался женский голос.

— Документы имеются?

— Да уж куда там, ваше благородие, — всхлипнула женщина. — Всё на катере осталось.

Дядька продолжил. Один за другим пассажиры откликались. У всех одно и то же: билеты
при себе не у каждого, паспорта и подорожные в основном остались в багаже.

— Викентий Мартынович Наумов!

Никто не отозвался.

— Наумов! Викентий Мартынович! — повторил дядька.

Наконец голос подал шуплый сутуловатый чиновник лет под пятьдесят. На носу у него
криво сидели круглые очки, одно стекло было разбито. Видно, и его хорошо приложило.

— Прошу прощения, ваше благородие, — отозвался он, протискиваясь вперед. — После
контузии совсем на ухо туг стал.

— У вас что с документами?

— Сейчас, сейчас Вот билетик чудом в жилетном кармане застрял. — Он дрожащими
пальцами протянул смятую бумажку. — А остальное тоже в саквояже на пароходе осталось.

Дядька глянул на билет, кивнул, сделал пометку в судовой роли и дочитал список до конца.

— Мирослав Спиридонович Кузьмин!

— Я! — откликнулся последний из восьмерки.

— С документами то же самое?

— Да, ваше благородие.

— Ладно. Тут тоже сходится, — пробормотал дядька и захлопнул папку.

Он повернулся к крестному, убирая документы за пазуху.

— Я уже поговорил с Юдинцевым на предмет ранений, теперь, Степан, нужно доклад составить в Хабаровку.

— Аркадий, ты же сам видел, — развел руками крестный. — Наш писарь в лазарете лежит.

— А у нас Викентий Мартынович есть. Он как раз писарем служил. — Дядька обернулся к толпе. — Викентий Мартынович!

Человек в разбитых очках стоял и безучастно смотрел перед собой.

— Степан, народ распускай, — бросил дядька крестному и снова крикнул: — Викентий Мартынович!

Ноль внимания.

— Ты посмотри, как его контузило, — покачал головой Аркадий Игнатъевич. — Совсем глухой.

Он подошел к щуплому писарю вплотную и наклонился к самому уху.

— Викентий Мартынович!

— А? Что?!

— Вы бы не могли нам бумаги оформить, как полагается для начальства в Хабаровке? — так же громко спросил дядька. — Чернила и бумага в правлении найдутся.

— Да да, конечно, ваше благородие. Сочту за честь.

— Вот и славно.

Дядька, я и этот писарь направились к крыльцу правления. Степан Анисимович, отдав распоряжения казакам, пошел следом.

Поднявшись на крыльцо, Аркадий Игнатъевич взялся за ручку двери.

— Прошу вас.

Викентий Мартынович кивнул и шагнул через порог.

В ту же секунду дядька вцепился ему в затылок за волосы и с силой приложил головой о дверной косяк.

Писарь рухнул на пол без сознания.

Подошедший сзади Степан Анисимович выругался:

— Твою ж бога душу мать! Аркадий, ты чего удумал?!

— Да закройте вы уже дверь наконец! — крикнул дядька, подхватывая обмякшее тело под мышки.

Мы втащили писаря в кабинет правления. На диване лежал Александр Иванович Урсати с кружкой в руке. Увидев, как дядька волочит человека по полу, инженер чуть не подавился водой.

Бросив тело на пол, Аркадий Игнатъевич принялся его обыскивать. Из-под одежды появились два метательных ножа в кожаных ножнах. Потом дядька поднял оброненную трость, крутнул набалдашник. Щелкнул замок, и из деревянного чехла вышло лезвие стилета.

Но и это было не всё. Дядька сдернул с пальца писаря массивный серебряный перстень.

— А вот это уже интересно, — пробормотал он. — Андрей, дай ремень.

Я стянул ремень. Они со Степаном Анисимовичем связали «писарю» руки и ноги, а потом примотали его к стулу. Только после этого дядька плеснул ему в лицо водой из графина.

Затем повернулся к дивану.

— Вот, Александр Иванович. Знакомьтесь. Ваш писарь, Викентий Мартынович Наумов. Инженер, опираясь на локоть, посмотрел на человека на стуле, потом на дядьку.

— Это не смешно, Аркадий Игнатьевич. Где Наумов?

— Вот и я говорю, что не смешно. Наумов погиб на катере похоже. А этот господин решил присвоить его имя.

Крестный скрестил руки на груди.

— Аркадий К чему весь этот хоровод на улице? Если ты еще по спискам понял, что это та самая гнида, которую мы ищем, чего сразу на площади не скрутили? Зачем в правление тащить?

Дядька выпрямился, поигрывая перстнем.

— А к тому, Степан, что, во-первых, казаки, узнав, кто это, могли разорвать его прямо там, еще до допроса. А он нужен живым.

Дядя кивнул на ножи и трость.

— Во-вторых, эта тварь свою жизнь просто так бы не отдала. Посмотри, как он экипирован. И всем этим наверняка умеет пользоваться. Полезли бы брать его в открытую среди людей, он бы пару-тройку человек успел прирезать. Я эту породу знаю.

Дядька поднял руку с перстнем, поддел ногтем неприметную защелку. Верхняя площадка откинулась, обнажив крохотное углубление с белым порошком.

— Ну и, в-третьих, здесь цианистый калий. Носил так, чтобы всегда под рукой. Понял бы, что отступить некуда, заглоти бы, и тогда концы в воду, ищи ветра в поле.

Дверь распахнулась, оборвав объяснение дяди. В кабинет влетел обеспокоенный Юдинцев.

— Братцы, атаман умер.

Глава 3. Слово офицера

— Так что ещё и Денис Иванович добавится в ваш рапорт, Аркадий Игнатьевич, — вздохнул Юдинцев и опустился на свободный стул.

Наш фельдшер обхватил голову руками, испачканными почитай по локоть в крови, и устался в пол.

В кабинете стало так тихо, стали хорошо слышны голоса казаков во дворе правления. Я глянул на крёстного, а тот разом побледнел, желваки пошли ходуном. Он хрустнул шеей и рванул с места.

— Ах ты ж гнида! — прорычал он, роняя стул.

Степан Анисимович кинулся напрямик к связанному писарю. Ещё пара мгновений, и он бы вцепился этому прыткому очкарику в горло.

Дядька среагировал мгновенно, бросился наперерез и оказался между крёстным и связанным. К нему тут же подскочил очнувшийся от оцепенения Юдинцев. Да и я, забыв про сломанную руку, шагнул помогать.

— Стёпа, стой! Остынь, кому говорю! — рявкнул дядька, упираясь обеими руками в грудь крёстного.

Втроём мы едва его удержали. Степан Анисимович тяжело дышал, его трясло от злости. Атаман, его близкий друг, боевой товарищ. Для станицы это трагедия. За меньшее здесь могли прикопать в тайге, не глядя на законы и циркуляры.

Когда крёстный перестал рваться вперёд, Аркадий Игнатьевич чуть отстранился, но рук не убрал.

— Степан, я всё понимаю, — заговорил он тише. — Но его в Хабаровку надо доставить живым. Понимаешь? Живым эта паскуда должна доехать, а не по частям. Надо провести расследование.

— Какие к лешему расследования, Аркаша?! — бросил крёстный. — Он Иваныча нашего убил! Сколько людей покалечил, сука!

— Мы не знаем, сколько таких по нашему краю ещё бегаёт, очками прикрываясь, — отрезал Аркадий Игнатьевич. — Не знаем, на кого он работает. А должны знать, иначе как врага бить станем, Стёпа? Охолони!

— А ты уверен, что это точно он? — Степан Анисимович повернул голову к пленнику и прищурился. — Почему тогда после взрыва на тракт не ушёл, пока на берегу суматоха была? Чего здесь-то тёрся, дурной, что ли?

— Всё просто, Степан. — Дядька кивнул на диван, где лежал инженер. — Александр Иванович, как видишь, цел. Царапины, контузия, но жив. По всему выходит, он и был главной целью этого писаря. Вот тот и остался, ждал ночи, чтобы завершить начатое.

Аркадий Игнатьевич повернулся к фельдшеру:

— Роман Васильевич, кто знает, что атаман умер?

— Пока никто, — устало отозвался Юдинцев, не поднимая головы. — Он у меня дома. Туда его перенесли как самого тяжелораненого. Думал, смогу вытащить, но

— Ладно. — Дядька коротко кивнул. — Надо потянуть время.

Степан Анисимович поправил сбившийся чекмень, подошёл к столу и опёрся на него пудовыми кулаками.

— Аркадий, я вот что тебе скажу. Этот крендель отсюда никуда не уйдёт. Хоть режь меня, но он теперь наш. Нужны показания — выбивай прямо тут. Иначе вы даже до тракта не дойдёте. Я тебя, может, ещё как-то пойму. А станичники за убийство атамана слушать про следствия не станут. Это казаки, Аркаша. Ты сам всё знаешь.

— Знаю, Степан, — сухо сказал дядька. — А кто вообще в курсе, что он здесь, в правлении?

Крёстный пожал плечами:

— Да особо никто, кажись. Казаков я отослал, раненым надо помогать, новопоселенцев размещать.

— Если сейчас выведешь его из кабинета, сроку ему полчаса, много час, — сказал Степан Анисимович и глянул на пленника. — Порвут за Иваныча голыми руками. И ни ты, ни я их не остановим.

Я смотрел на дядю и крёстного и понял: они начали свою игру, поняв друг друга, с одного взгляда. Дениса Ивановича уже не вернуть, а вот узнать, кто играет против нас такими картами, было нужно. Крёстный это тоже понимал.

— Аркадий, чего из мухи слона делать? — продолжил он уже другим тоном. — Давай его моим ребятам отдадим. У нас умельцы отменные, ещё никто не жаловался. А когда узнают, что этот очкастый натворил, с пристрастием поработают. Как миленький всё выложит.

— А что мысль, — протянул дядька.

Он подошёл к привязанному убийце.

— Значит так, любезный. У тебя два пути. Либо выкладываешь мне всё как есть, и я вытаскиваю тебя отсюда под охраной. Либо отдаю Степану Анисимовичу, а они уж потом сами всё на блюдечке мне принесут.

Пленник слотнул, перевёл взгляд с дядьки на крёстного. Видно было, что задумался. Я ждал, что он пойдёт в отказ. Экипировка серьёзная, яд тот чёртов. Походил он на умелого, хоть с виду и хлипковат. Но я ошибся.

Писарь заговорил, видно, трезво оценив положение. Когда эта паскуда открыла рот, я чуть не присвистнул. От прежнего сутулого глухаря не осталось и следа. Голос звучал твёрдо.

— Я так понимаю, вы Аркадий Игнатьевич?

— Верно понимаете, — невозмутимо ответил дядька.

— Дайте мне слово офицера, что я выберусь отсюда живым. И что не отдадите меня на растерзание этим дикарям.

Степан Анисимович за моей спиной шумно втянул воздух. Пленник продолжал смотреть только на дядьку.

— Слово офицера, — без раздумий ответил Аркадий Игнатьевич.

Крёстный поджал губы, но промолчал. Понял, для чего это всё.

— Степан, — сказал дядька, не отрывая взгляда от пленника, — надо поговорить наедине. — Он глянул на крёстного и меня. — Вот только этого без присмотра тоже оставлять здесь не след. А казаков я пока бы не ставил, мало ли кто горячий попадётся.

— Мне тоже торопиться нужно, перевязки ещё делать, — вздохнул Юдинцев.

— Ильку можно просить! — с ходу предложил я.

— Кто это такой? — нахмурился дядька.

— Гольд, местный охотник, Илларион Морозов, — пояснил крёстный. — Парень надёжный. А казаков сейчас сюда ставить нельзя, тут я с тобой согласен.

— Хорошо. Зовите своего гольда.

— Я его на площади видел, когда в правление шёл. Сейчас он там, — бросил Юдинцев и быстро вышел.

Через пару минут фельдшер вернулся с настороженным Илькой. Тот сразу оглядел кабинет и задержал взгляд на привязанном к стулу человеке.

— Доброго здравия, — поздоровался Илька.

— Здрав будь, Илларион, — подошёл к нему дядька. — Помощь твоя нужна. Покарауль вот этого. Не разговаривай с ним и не слушай. Если начнёт дёргаться или ещё чего удумает, можешь приложить разок для понимания. Только не до смерти.

— Сделаем, ваше благородие, — кивнул Илька. — Долго стоять нужно? А то мне уж в гасян пора.

— Недолго, скоро уж сменим. Да и его в другое место переведём.

— Добре, — подтвердил гольд и встал с ружьем возле двери, напротив пленника.

Мы вышли из кабинета в сени, потом на крыльцо правления. Степан Анисимович был напряжён. Весть про атамана выбила его из колеи. Рядом шёл дядька, за ним Юдинцев, ну и я.

От правления мы отошли шагов на двадцать. Аркадий Игнатьевич остановился и повернулся к фельдшеру:

— Роман Васильевич, спасибо. Хорошо вы мне подыграли.

— Чего? — замер Степан Анисимович. — Что значит подыграли?

— погоди, Степан, послушай и не кипятись, — поднял ладони дядька.

Но до крестного уже дошло, что его использовали втёмную. Он нахмурился и стал надвигаться на Юдинцева.

— Рома, — словом тот сверлил фельдшера взглядом.

— Рома, что с атаманом?

Юдинцев виновато отвёл глаза, поправил очки.

— Жив он, Степан Анисимович. Тяжёлый, рана худая, но жить Денис Иванович будет.

Так надо было, для дела надо.

Что тут началось.

За свою жизнь я много чего слышал: и в Одессе, и на «Костроме» в шторм. Но такого боцманского загиба от Степана Анисимовича слышать не доводилось. Мовет крестный! Помянул всех и никого не упустил.

Мы стояли, слушали и обтекали. Дядька сперва попытался его успокоить, но быстро бросил это дело и только виновато покашливал. Узнал он о себе много нового.

Наконец крестного попустило. Он шумно выдохнул и вдруг усмехнулся.

— Ну ты и артист, Аркаша. Эка всё развернул.

— Прости, Степан, — облегчённо сказал дядька. — Зато теперь он у меня точно заговорит. Этим я сейчас и займусь, а у вас своих дел полно.

— А чего сразу не сказал? Неужто я бы тебе не подмог?

— Да понимаешь, артист из тебя никудышный, — усмехнулся дядька. — Я это ещё со времён бабки Томки помню, когда вы с Василием у неё гусака спёрли. Она ж тебя тогда первого и расколола. А мне нужно было, чтобы ты разозлился по-настоящему. И получилось, видел бы ты себя. Там и мёртвый заговорит.

— Да уж, — буркнул крестный.

— А скажи, Степан, казаки бы взаправду самосуд учинили?

— Аркаша, когда Юдинцев рассказал про атамана, я сам готов был писаря этого придумать. Но до самосуда, конечно, не дошло бы. Дурных нет, такие на границе долго не живут. — Крестный задумался. — Ты мне вот что скажи: как ты вообще понял, что это он? И с писарем так ловко придумал?

— Мы в Большой Камень из Владивостока по тракту за полночь прибыли, — начал дядька. — Я, Александр Иванович и Викентий Мартынович Наумов. Чтобы ночью нигде не искать постоя, договорились в каюте до утра переночевать. Викентий Мартынович ещё в дороге прихворал, поэтому почти всё время в каюте и провёл. Те, кто поутру на катер погрузились, его не видели. А в Лончаково инженер Урсати велел ему отлёживаться. Царство небесное рабу Божьему Викентию

Дядька перекрестился.

— Когда по спискам в лазарете прошлись, я ещё надеялся увидеть Наумова на площади среди выживших. Но восемь пассажиров рассмотрел и понял: его нет. Вот тут всё и начало

складываться. Оставалось понять, кто занял его место. Ну, я и попросил откликнуться Викентия Мартыновича.

— И тот господин, — Аркадий Игнатьевич кивнул в сторону правления, — тоже смекнул, что он лишний и в списках не значится. Потому и отозвался на Наумова. Не сразу. Сначала контуженного изобразил, помнишь? Но не вышло.

— А на катере он как без записи в судовой роли оказался? — удивился Степан Анисимович.

— Это мы тоже узнаем. Думаю, взятку дал. Может, боцману, может, капитану.

Уже поднимаясь по ступеням вместе с Урсати, Аркадий Игнатьевич обернулся:

— И, Степан пришли всё-таки пару крепких казаков. Ильюку я сейчас отпущу, а сам займись допросом.

— Добре, будут тебе казаки, — кивнул крёстный.

Проводив его взглядом, Степан Анисимович повернулся к Юдинцеву:

— Роман Васильевич, Иваныч говорить может?

— Может. В сознании он, только недолго.

— Что-то меня гложет после всего этого, Рома. — Крёстный повернулся ко мне. — Пойдём, Андрей, к атаману.

Мы втроём поспешили к дому Юдинцева.

Перебинтованный Денис Иванович лежал на широкой кровати. В комнате сильно пахло карболкой и спиртом. Рядом с атаманом хлопотала Саша, поправляла влажную тряпицу на его лбу.

— Как там Степан? — Атаман приоткрыл глаза.

— Из лончаковских все живы, Денис Иванович, — ответил крёстный. — Некоторых посекло, тебе больше всех досталось. Трое пассажиров с катера погибли, да судовая команда, та, кажись, вся полегла. Кого-то уже нашли, кого течением унесло.

— Да Где наша не пропадала, Стёпа. Как-нибудь выкарабкаемся. — Он попытался улыбнуться. — Есть хоть предположение, что это было?

— Есть, Денис Иваныч, динамит это рванул. Даже часовой механизм нашли, вернее, что от него осталось. Уже выяснили, что целью был инженер Урсати. И того, кто всё провернул, тоже нашли. Да так искали, что на время пришлось тебя, атаман, в покойники записать. Но это примета верная, значит, долго жить будешь.

— Не понимаю, о чём ты, Степан

— Потом поведаю, история долгая. Сейчас лучше скажи, какие будут указания?

Денис Иванович прикрыл глаза, собираясь с мыслями.

— Степан ты мой наместник, станичным кругом в товарищи атамана выбранный. Так что заступай на моё место. Бери правление станицей на себя.

Пострадавшим помочь, новопоселенцев оформить и разместить. Хотели мы их в станичный амбар, но там теперь лазарет. Пару дней перекантоваться надо, пока Юдинцев со своим хозяйством не разберётся. Так что сам подумай, куда их. По службе сам всё знаешь. Пикеты не забудь, дозоры я бы усилил. Вроде всё из первостепенного.

Говорить ему было тяжело. Долго мучить атамана мы не стали, пожелали скорейшего выздоровления и вышли на улицу.

Крёстный первым делом занялся людьми. Хромого Семёна, который кашеварил в тайге на заготовке коры, отрядил организовать питание для всех: и для поселенцев, и для застрявших в Лончаково пассажиров с катера. В помощь ему отправил трёх смышлёных подростков. Кухню начали разворачивать в соседнем дворе у Медведовского. Стряпка у него была добротная.

К нам подбежал запыхавшийся Албазов.

— Степан Анисимович! На реке троих погибших матросов достали. Остальных, похоже, унесло течением.

— Снесите их пока в холодную, Денис Павлович. Там решим, здесь хоронить станем или в Хабаровку отправлять.

— Степан Анисимович, — подошёл к крёстному урядник Гордеев. — Сразу после взрыва, как только всё немного улеглось, я отправил Мельникова и Меренского в Козловскую. Велел телеграфировать в Хабаровку о случившемся.

— Добре, Семён Афанасьевич, — выдохнул крёстный. — А то за всей этой суетой я про то забыл.

Мы направились обратно к станичному правлению. Когда поднялись на крыльцо, дверь кабинета открылась. На пороге появился Аркадий Игнатьевич, закончивший допрос.

— Степан, нам нужно как можно скорее добраться в Хабаровку.

— Наши уже в Козловской, телеграфировать должны.

— Хорошо. Но купеческий катер или та же «Сунгача» придут сюда не раньше, чем через двое суток, — покачал головой дядька. — А до тех пор надо куда-то пристроить нашего чёртова писаря. И караул приставить надёжный.

— Кто он, Аркаша? Выяснил?

Дядька огляделся по сторонам.

— Увы, Степан, таких сведений я тебе предоставить не могу. Не обессудь.

Крёстный нахмурился, но спорить не стал. Забот и без того хватало. Он распорядился перевести пленника в холодную и приставить к нему усиленный караул.

— Теперь другой вопрос. Куда мне вас определить, Аркадий?

Он задумался.

— А, погодь. Есть мысль. Обождите здесь.

Крёстный вернулся минут через двадцать.

— Атаман дал добро определить вас на постой в его курень. Живёт он один уже как два года, а теперь у Юдинцева надолго застрял. Места вам с Урсати хватит.

Степан Анисимович подозвал Албазова и распорядился, чтобы тот выставил охрану у дома Огородника, а заодно проводил туда дядьку и инженера.

— Вы, Аркадий, пока устраивайтесь, а мы как закончим с делами, придём за вами. У нас вместе повечеряем.

Дядька ушёл с Урсати, а крёстный повернулся ко мне:

— Ну а теперь, Андрей, пойдём в правление. Надо решить вопрос с вновь прибывшими. Будешь моим писарем на сегодня, опыт у тебя уже имеется.

Он подмигнул.

Следующие несколько часов слились в бумажную волокиту. Я сидел за столом и скрипел пером: заполнял временные пропуска, вписывал в станичные книги имена, звания и приметы прибывших кубанцев. Рядом Степан Анисимович распределял людей. Дело шло медленно: семьи, документы, постой, приметы, жалобы.

На крыльце появился Олег. Уставший, в пыли, с чёрными от копоти руками. После взрыва он весь день таскал обломки и помогал при лазарете.

— Батя, когда вас ждать?

— Надеюсь, часа за два управимся. Ты вот что, скажи матери, пусть стол соберёт. Гости у нас сегодня будут.

Когда с регистрацией было покончено, крёстный распределил кубанских казаков и уцелевших пассажиров катера по куреням станичников. Семерых оставшихся кубанцев определили на сеновал, пару дней там переночуют, лето как ни как.

Дело близилось к вечеру. Мы только начали собирать бумаги, когда с улицы донёсся стук копыт. В дверь правления ввалились запыхлённые Прохор и Сашка Меренский.

— Степан Анисимович! — вытянулся Прохор, вытирая лоб рукавом. — Докладываем! Телеграмму в Хабаровку отправили. Дежурный офицер подтвердил получение. Велели ждать, и передали, что «Сунгача» выйдет при первой возможности.

— Добре. Спасибо за службу, братцы.

Мы направились к куреню Огородника. За высоким забором во дворе уже рассредоточились трое казаков во главе с Албазовым. Их поставили охранять важных персон.

— Как тут у вас, Денис Пальч?

— Слава Богу, Степан Анисимович, — отозвался Албазов. — Периметр закрыли, караул ночью сменим. Надолго это, Степан?

— Пара дней, пока «Сунгача» не придёт за ними.

На голоса из дома вышел дядька.

— Аркадий, собирайтесь.

— Александр Иванович уже спит. Намайлся он за день, — ответил дядька, спускаясь с крыльца. — Так что я один и готов.

Мы попрощались с казаками и двинулись к нашему куреню. Во дворе нас встретил Олег, крёстный тут же познакомил его с дядей Аркадием.

Едва мы ступили в сени, нос уловил ароматы, и живот сразу заурчал. Акулина Никитична суежилась у печи. Сперва она дядьку не заметила и бросилась с расспросами к Степану Анисимовичу:

— Степан, как там на берегу? Разобрались?

— Всё уладилось, матушка, — ответил крёстный и посторонился.

Акулина Никитична подняла глаза, увидела высокого гостя в мундире и замерла.

— Батюшки мои Аркашка?

Старушка бросилась к нему и обняла. Аркадий Игнатьевич тоже просиял, бережно прижал её к себе.

— Здравы будьте, тётя Акулина! Почитай два десятка лет не виделись.

Акулина Никитична пустила слезу. Дядька тепло поприветствовал Пелагею Александровну, познакомился со смущённой Татьянкой, и только после этого мы сели за стол.

Пелагея Александровна выставила соленья, горячее, пироги. Степан Анисимович налил по чарке. Вечер пошёл своим чередом. Дядька рассказывал о службе и переездах, не вдаваясь в подробности. Крёстный говорил про наше обустройство и бой с хунхузами.

— А мы ведь сегодня с Андреем должны были в окружное правление ехать, — сказал он. — Земельный пай ему оформлять и коня его, Беркута, забрать нужно из нашей конюшни. Ты знаешь, Аркадий? Коня ему какой-то купец с «Костромы» подарил.

— Того Беркута? — улыбнулся дядька. — По дарственной от Назарова прошёл?

— Да, дядь, вот такая оказия вышла, — ответил я.

— Ну поздравляю, племянник. Хороший подарок, владей.

— Благодарствую, дядь Аркадий.

— Летом думали уж строиться начать. Андрюхе помаленьку надо своим хозяйством обживаться, — продолжил крёстный. — Но теперь, с последними событиями, даже не знаю, когда за это возьмёмся. Дел невпроворот.

Олег, уплетавший пирог с края стола, вдруг перебил отца:

— Бать, а ведь Лёшка сегодня приходил. Опять на работу просился. Говорит, пока один пришёл, но на днях остальные возвращаются, на том же месте лагерем встанут.

Дядька насторожился.

— Что ещё за Лёшка?

— Да это мы так манзу-отходника зовём, — отмахнулся крёстный. — Вообще-то его Ли по-ихнему кличут, но нам привычнее Лёшка, да Лёшка. Они каждое лето к нам нанимаются, рыбачат тут бывает, по хозяйству помогают за плату малую.

— И где он сейчас, Олег? — Дядька чуть подался вперёд, не сводя глаз с брата.

— Да шут его знает, — пожал плечами Олег. — Как взрыв на реке раздался, мы все побежали к правлению да на пристань. Потом я почти весь день в лазарете и на берегу помогал чем мог. Затерялся он где-то в суматохе той.

— Ясно, — сказал Аркадий Игнатъевич.

Он постучал пальцами по столу, поднялся и машинально одёрнул мундир.

— Ладно, Степан, Акулина Никитична, Пелагея Александровна, благодарю за хлеб-соль. А мне пора. Ты Степан, не провожай, я сам дорогу хорошо запомнил.

Мы смазано попрощались. Аркадий Игнатъевич вышел в сени. Хлопнула дверь и за столом повисла тишина.

— Чего это он так подорвался? — спросила Пелагея Александровна, недоумённо глядя на мужа. — Будто ошпаренный выскочил.

Степан Анисимович тоже был удивлён, но быстро взял себя в руки.

— Да пойми этих торговых агентов, — произнёс он, нарочито выделив последние слова. — Завтра, поди, узнаем.

Глава 4. Веники из пихты

Утро выдалось хлопотным. Началось оно с того, что мы с Олегом таскали воду: женщины затеяли большую уборку, вот и мы подсобили чем могли.

У крестного с утра еще и берданка закапризничала. Он сперва сам ковырялся в затворе, сопел, хмурился, потом махнул рукой.

— Оружейнику покажу. Неча злиться на железяку, если сам толком не разбираешься.

Берданку он убрал, достал револьвер Смит-Вессон и повесил на португую. Когда с домашними делами управились, Пелагея Александровна, по просьбе крестного, собрала в узелок краюху хлеба, вареное мясо, яйца и дала крынку молока. Завтрак для дядьки Аркадия и инженера Урсати.

До правления решили идти пешком. День обещал быть жарким, а впереди у нас маячила канцелярская работа.

Перед самым выходом Степан Анисимович окликнул Олега, возившегося у бани:

— Если сегодня этот китайский Лешка, все-таки объявится, определи ему работу по бане.

Надо восстановить, пока дожди опять не зарядили.

— Сделаю, бать, — кивнул Олег.

По пути крестный свернул к Юдинцеву, проверить, как там Денис Иванович.

— Ты, Андрей, на крыльце побудь, подыши, а я сам зайду.

Ждать пришлось недолго. Дверь скрипнула, и на крыльцо вышла Саша. Вид у нее был уставший, под глазами залегли тени, на фартуке темнели засохшие пятна крови.

Саша держалась прямо, но пальцы мелко подрагивали, устала девка, чего уж тут.

— Доброго здравия, Саша.

Она устало прислонилась к деревянному столбу.

— Доброго, Андрей. Всю ночь у постели атамана провела, не поспала толком. Жар был у него сильный, метался в бреду. Я только воду меняла да повязки на лоб прикладывала. К утру слава Богу попустило, жар прошел. Роман Васильевич сказал, что самое страшное позади.

Она попыталась улыбнуться, но вышло слабо.

— Отправил меня доктор отдохнуть. Хоть пару часиков покемарить. А потом велел в амбар, в лазарет идти. Там тоже забот хватает, раненых перевязывать надо.

— Поберегла бы ты себя.

— Ничего, как-нибудь с Божьей помощью справимся. Ладно, Андрей, свидимся еще, — кивнула Саша и побрела в сторону Нюркиного двора.

Вскоре вышел крестный.

— Держится атаман, слава Богу, — выдохнул он.

Мы отправились дальше.

— Сегодня, Андрей, при мне будь безотлучно. Писарь наш не скоро еще оклемается, а бумаг накопилась уйма. Еще и пакеты из Хабаровки разобрать надо. По нашему войску порядки меняются, от этого голова кругом идет. Но сперва зайдем к Аркадию с Урсати.

У калитки переминался невыспавшийся Албазов.

— Здорово ночевал, Денис Палыч!

— Слава Богу, Степан Анисимович, — козырнул тот. — Смену вот жду.

— Ночью тихо было?

— Тихо. Только вот... слушай, Степан, Аркадий Игнатьевич у тебя остался на ночь?

— В смысле остался? Он что, не приходил? — Крестный нахмурился.

— Нет. Как вчера вечером с вами ушел, так и не возвращался. Я думал, он у вас на ночлег остался. Инженер-то спит без задних ног, а вашего Игнатьевича не было.

— Да твою ж за ногу, — выругался Степан Анисимович. — Ночью ничего подозрительного не слышали? Пальбы, криков, чужих шагов?

— Никак нет. Всю ночь глаз не смыкали.

— И где его теперь искать, нашего лешего столичного? — Крестный потер переносицу. — Так, Денис. Поднимай людей, надо прочесать станицу.

— Кого потеряли-то? — раздался вдруг спокойный, с легкой хрипотцой голос. — Что прочесывать собрались?

Скрипнула калитка, и во двор неспешно вошел дядька. Вид у Аркадия Игнатьевича был, мягко говоря, не парадный. Лицо осунулось от недосыпа, на щеках пробила щетина, мундир измазан, а на сапогах засохла грязь.

— Аркадий Игнатьевич, вы что тут вытворяете?! — зло прикрикнул крестный, шагнув к нему. — Где вас черти носили всю ночь?

Дядька виновато развел руками, даже наигранно вышло.

— Да полно тебе, Степан. Воздухом я дышал, вдоль реки прошелся, на луну любовался, эх и красиво у вас тут, скажу я тебе!

Я смотрел на него и понимал, что тот врет. Откровенно, даже не особо стараясь это скрыть. Судя по тому, как дернулась щека у крестного, он тоже все понял. Были у «торгового агента» такие дела, о которых он умолчал.

— Гулял он, — процедил Степан Анисимович. — Ладно. Вот вам поесть Пелагея собрала, держи, — протянул он узелок и молоко дяде, — как управитесь с завтраком, мы с Андреем будем в правлении, заходи.

Он повернулся к Албазову:

— Денис, распорядись, чтобы охрана с них глаз не сводила, если куда идут, то чтобы сопровождение было. Скоро уж думаю отправим их в Хабаровку. — Вздохнул крестный.

— Добре, сделаю.

Дядька забрал узелок, лукаво прищурился и спросил:

— Анисимович, а баню к вечеру организуем? Соскучился я по хорошей баньке.

— С твоими пируэтами, Аркадий Игнатъич, нам бы до вечера этого дожить для начала, — буркнул крестный. — Пойдем, Андрей, там небось станичники уже пороги обивают.

Мы повернулись было к выходу, но Албазов окликнул:

— Степан, погодь. Мне бы с Андреем пару слов.

— Только недолго. Андрей, закончишь, догоняй.

Албазов отвел меня чуть в сторону.

— Я вот что думаю, Андрюх. У тебя тот француз без патронов остался получается?

— Какой француз?

— Револьвер твой.

— А, ну да. Пустой почти.

— И что думаешь с ним делать?

— Думаю, где бы к нему припас раздобыть, больно редкое оружие в наших краях.

— Вот и я о том же, — усмехнулся Денис Палыч. — Приходи сегодня вечером ко мне, где мой курень, знаешь?

— Знаю.

— Вот и славно. Мысль у меня одна имеется, я тебе расскажу, токмо револьвер прихвати.

— Добре Денис Палыч!

Нагнал крестного уже на полпути к правлению, перед которым толпился народ. Первым в глаза бросились те самые отходники-манзы. Артель их с вечера выросла едва ли не вдвое. Когда мы поднялись на крыльцо, к нам подскочил Лешка-Ли. На левой скуле, прямо под глазом, у него наливался синий бланш. Дядька, похоже, успел-таки с ним побеседовать.

— Лешка, ты где это приложился? — удивился крестный.

Манза закивал и принялся кланяться:

— Степана Анисимович, здрав будете! Тайга упал, темно был. Ничего, ничего. Нам работа нужна, разрешить тут. Атамана нет?

— Атамана пока не будет, то я за него.

— Мы лагерь поставить хотим, — Ли махнул рукой в сторону берега, где раньше стояла их артель.

— Добре. Ставьте, вот только дело такое: за это по станичным работам помочь придется. Уговор?

— Уговор, хозяин! Все сделаем!

— Тогда обустройвайтесь. И еще: где и у кого на работу найметесь, мне лично докладывать. Чтобы я знал, у кого вы батрачите.

Ли выкрикнул что-то гортанное своим, и манзы быстро потянулись к излучине разбивать лагерь.

Оставив меня на крыльце, крестный ушел в холодную, где сидел вчерашний пленник. Переговорил с караульными, заглянул внутрь и через несколько минут вернулся.

— Живой, стервец. Только покормить надо, чтобы до Хабаровки в сохранности довести.

К этому времени к правлению подошли вчерашние кубанцы. Впереди шагал их десятник, коренастый казак с густыми черными усами.

Степан Анисимович кивнул ему и открыл дверь:

— Заходи братец в кабинет, разговор есть, сейчас еще вахмистр Миронов подойдет.

Через пару минут в кабинете собрались крестный, десятник кубанцев Макар Остапенко, наш вахмистр Егор Миронов, ну и я с пером и чернилами.

— Значит так, братцы, — Степан Анисимович сидел на месте атамана, — Макар Евсевич, знакомься это вахмистр Егор Антипович Миронов, ты со своим десятком поступаешь под его руку.

Он повернулся к Миронову:

— Егор, у меня тут пока работы не в проворот, ты уж познакомься с кубанцами. Займись их обустройством. С земельными паями опять же тянуть не след. Вот гляди, — он протянул ему схематичный набросок, — тут примерно расчерчено какие пай можно им выделить под обустройство. Покажи им уголья опять же, пусть посмотрят, решат меж собой, кто где ставиться будет, лес прикинут. Только вот этот участок у оврага, близ моего куреня, не трогайте. — Ткнул он пальцем в очерченный участок, что мы с ним смотрели, — он уже за Андреем будет. Принимай в общем казаков под свою руку. На днях улучим время, в Козловскую пойдем, чтобы дела с паями закрыть. А пока часть можешь задействовать в дозорах. Только одних не отправляй, обязательно с нашими, чтобы они местность показывали, да особенности наши разъясняли.

Степан Анисимович перевел взгляд на Остапенко.

— Пока «Сунгача» не придет и не заберет гражданских, полевая кухня работает на базу Медведовского. Кормитесь там, чтобы время на готовку не тратить. Потом уж как со всеми хлопотами закончим, тогда и решим.

— Сделаем, Степан Анисимович, — ответил Остапенко.

— Добре. Ступайте.

Когда они вышли, крестный подошел к моему столу, на котором высилась стопка почты. Нацепил очки, аккуратно срезал сургучные печати с одного пакета и развернул плотный лист бумаги. На бланке стоял жирный штамп: «Временное Управление Уссурийского казачьего войска, Камень-Рыболов».

Степан Анисимович взгляделся в строки, пошевелил губами, разбирая текст.

— Так... гляди сюда, Андрей. Из Камня-Рыболова циркуляр пришел. Отделяют нас от амурцев окончательно, переходим под начало Унтербергера теперь. Штабной рутины на нас свалилось немало, гляди чего нужно.

Я придвинул чернильницу, поправил перо и приготовился записывать.

— Первое, — крестный снова уткнулся в бумагу. — «Предписывается сего июля провести подробнейшую ревизию строевого имущества...» Тьфу ты, язык сломаешь. В общем, пиши: за три дня составить новые арматурные списки по всему Лончаково. Шашки, седла, берданки, патроны. Кто в строю, кто в приговорительном разряде. Каждого казака пересчитать, чтобы Унтербергеру во Владивосток точную цифру подать.

— Записал, Степан Анисимович. А по лошадям как?

— По лошадям и финансам тут отдельная статья, — сказал он, переворачивая лист. — Гляди, чего удумали: «...отныне все казенные сборы и пошлины удерживать в станичной казне до особого на то повеления». От Благовещенска нас отрезали и теперь копейки, что с китайцев-манз за аренду земли да рыбную ловлю на Уссури идут, в Амурское правление уже слать не нужно. Все под замок и оставляем в станичной казне, но то думаю ненадолго будет. Новую приходную книгу выходит заводить надо.

Он снял очки.

— Записал?

— Да, Степан Анисимович.

— С этих бумаг сегодня и начнем, — подвел итог крестный, хлопнув ладонью по столу. — А ты пока дуй на конюшню, Беркута своего наконец заведи. Хотя погодь... бумага на это нужна.

Он порылся в стопке на столе атамана, выудил бланк, быстро черкнул пару строк и протянул мне.

— На, конюху отдашь. Пусть отметку поставит, что передал тебе коня со всем причетом. Бумагу потом в правление вернешь. Все, дуй. Управишься и сразу назад, тут писанины еще много.

Выйдя на залитую солнцем улицу, я направился к конюшне. На полпути нос к носу столкнулся с Сашкой Меренским.

— Здорово, Андрюха!

— И тебе не хворать, Сань. Как съездили, без приключений у вас обошлось?

— Да какие приключения. Доскакали, телеграмму отбили, назад вернулись, — отмахнулся он, огляделся по сторонам и заговорил тише. — Слушай, просьба у меня к тебе есть.

— Говори давай свою просьбу.

— Соболя того помнишь? Шкурку, что вы мне на сватовстве подарили?

— Помню. И что?

— Вчера, когда мы в Козловскую мотались, я к будущим родственникам заскакивал. Агафонов, Любкин батя, меня в оборот взял. Спрашивал, смогу ли я еще пяток таких же отборных шкурок достать. Говорит, в Камне-Рыболове кого-то нужного умастить хочет.

Я усмехнулся. Куда ветер дует, понял сразу.

— Кого-кого... Самого Унтербергера, поди. В наказные атаманы твой будущий тесть что ли метит?

— Того я не знаю, мне не докладывали, — пожал плечами Сашка, хотя по глазам было видно: попал я в точку. — Ты скажи, сможешь с Илькой переговорить? У гольда глаз верный, плохой пушнины он не таскает.

— Разберемся. Поговорю с Илькой, спрошу, что у него по запасам.

— Благодарствую, бывай, Андрей.

Конюх долго крутил в руках бумагу Степана Анисимовича, сопел, прикидывал, где расписаться, потом все же вывел закорючку и повел меня к денникам. Оформив Беркута, я вывел его на улицу и направился к нашему курению.

А во дворе кипела работа. Манзы разбирали развороченный взрывом уголок бани, таскали бревна, за ними приглядывал и помогал Олег.

Я привязал Беркута к коновязи и вывел из нашей конюшни Сашкину кобылу.

— Олег!

— А? Ого, забрал все-таки! — восхищенно крикнул брат, глядя на жеребца.

— Забрал. — улыбнулся я, — будь добр, там денник почистить, ну и Беркута завести. Я сейчас Сашкину кобылу на конюшню пристрою и мне бежать надо Степану Анисимовичу с бумагами помочь.

— Сделаю, Андрей, не переживай.

Когда управился, то вернулся в правление, где дежурили казаки из десятка Албазова, значит дядя тут. В кабинете и правда был Урсати и Аркадий Игнатьич. Завидев меня, дядька тут же поднялся, шагнул навстречу и, не дав даже рта раскрыть, сказал:

— А, Андрюха! Отлично. Пойдем-ка со мной, пройдемся да веников для бани свежих приготовим, — Степан Анисимович, опустишь племянника.

— Аркадий, какие еще веники? — нахмурился Степан Анисимович, отрываясь от бумаг. — У Андрея дел невпроворот, да и баня у меня пока на ремонте, взорвали бомбу ведь недавно, говорил тебе про то.

— Степан, когда я с племянником в следующий раз увижусь? Дай хоть часок нам с ним поговорить.

Крестный недовольно крякнул в усы, но махнул рукой, мол ступайте.

— Через час верну, — обрадовался дядька. — А баньку мы, если что, у Огородника истопим, не велика наука, идем, Андрей.

— Ну, веди, Сусанин. — Едва вышли со двора подмигнул мне дядя Аркадий.

Мы направились к ближайшему перелеску.

— Пихтовых нарежем, — пояснил я на ходу. — Пихта сейчас молодая, в самом соку. Лучше брать ту, что в тени растет, у нее ветки мягче, кожу не саднят. А запах какой, м-м-м.

Но едва мы углубились в заросли и скрылись от чужих глаз, благодушие с лица дядьки слетело. Он огляделся, прислушался и заговорил другим голосом.

— Так, Андрей, запоминай каждое слово.

От его тона я аж напрягся. Он больше не играл добродушного дядюшку, соскучившегося по баньке. Передо мной стоял другой человек, снова появился жесткий Исмаил из Адена.

Он подошел к молодой пихте, надломил веточку, и посмотрел на меня.

— Манзы ваши, отходники, не рыбу тут высматривают. Обмеры собирают, карты составляют. Это я из вашего Лешки вытряс. Как от вас ушел, сразу направился за излучину. Смотрю: он там один у костерка лежанку себе устроил. Ну я подошел к нему, заговорили. Но стоило прижать его, так он дал деру. Шустрый, зараза, полночи по тайге за ним гонялся. Догнал, утихомирил слегка и развязал язык.

Дядя понизил голос почти до шепота.

— Дело дрянь. На той стороне какие-то хунхузы крепко прижали их семьи. Грозят вырезать. Велели им тут тихо собирать сведения про реки, ручьи, броды, тропы, телеграфную просеку. За лето они должны отрисовать окрестности Лончаково и Козловской от реки и вглубь на двадцать верст. Ты и сам видел, сколько их сюда набежало.

— Карты для хунхузов? — нахмурился я.

— Не только. Самое интересное, что забирает эти бумаги на нашем берегу не китаец. Лешка божится, что это русский человек. Он раз в две недели ночью выходит из леса и вновь растворяется.

Дядька сломал ветку, повертел ее в пальцах.

— С Лешкой, раз он у манз за главного, у меня теперь свой уговор. Будет работать на нас. Все, что его земляки смерят да зарисуют, они передают ему. А тут понадобится твоя помощь, чтобы сведения подменять. В общем он будет приносить тебе те листы, Ты станешь перерисовывать на липовые данные, ну и передавать.

— А остальные манзы?

— Остальных впутывать нельзя. Им за семьи свои страшно, и сдадут китайца Лешку при первой же возможности. Поэтому делать все придется тихо.

— Еще, Андрей, когда я с Урсати уеду в Хабаровку, то вернусь сюда со своими людьми. Мы будем вокруг станицы по тайге рыскать и выслеживать того ходока, что за документами приходит. Если тебе срочно понадобится связь со мной... — Дядька достал из кармана кусок темной ленты и протянул мне. — Вот на эту пихту повяжи, прям на ствол.

— А китаец нас точно не сдаст?

— Ли не сдаст, — усмехнулся дядька. — На том берегу у нас тоже свои люди есть. Я ему пообещал, что, если будет строго следовать указаниям, вывезем их семьи во Владивосток и поселим на Миллионке. Работы там для них хватит, а хунхузы туда не сунутся. У него теперь выбор простой: или мы дадим его людям шанс, или хунхузы вырежут их вместе с семьями под корень. И главное, Андрей, пока Степану ни слова.

— Почему так?

— Потому что можем спугнуть Ли. Он и так трясется, потому знать про то будем только мы с тобой.

Я молча кивнул.

— Добро, а теперь давай веников навяжем, не с пустыми же руками возвращаться.

Мы вернулись в правление, наполнив кабинет ароматом пихты. Я скрипел пером, заполняя наряды по пикетам и дозорам, Александр Иванович Урсати склонился над картой, как я понял это была топографическая карта нашего края.

— Господа, подойдите-ка сюда, — позвал он дядю и крестного.

Когда они склонились над столом, Урсати взял карандаш.

— Я утром еще раз прошел по берегу и осмотрел станицу. Ваш атаман Денис Иванович мыслит верно, нельзя вести чугунок прямо вдоль Уссури. Весной и летом вода подмывает насыпь будет, нам нужно с запасом прокладывать дорогу, немного в тайгу углубившись.

Он уверенно провел жирную карандашную линию.

— Смотрите сюда. В пятнадцати верстах на восток, дорога пойдет по сухим возвышенностям, в обход болот и пойм.

Степан Анисимович одобрительно кивнул, а Урсати продолжил.

— Но предупредить хочу о другом. Само строительство начнется через год, может и два. А подготовительные работы будут уже скоро. Послушайте моего совета, чтобы потом локти не кусать. Сами к тому подготовьтесь заранее, пока вас кто более ушлый не обставил.

— К чему готовиться-то, Александр Иванович?

— Причал вам лучше сместить подальше от станицы. Выделить для него отдельное место, на отшибе, — инженер очертил карандашом круг ниже по течению. — По реке скоро пойдет прорва строительного материала. А следом за ним потянутся наемные рабочие, ссыльно-каторжные, китайцы-кули. Они будут постоянно кочевать через вашу станицу и мороки у вас с ними будет много.

Крестный вздохнул и скрестил руки на груди.

— Не нужно нам этого сброда в Лончаково. Пьянство да воровство начнется, казаки такого терпеть не станут.

— Вот о том и речь, — оживился Урсати. — Поэтому выносите все за пределы поселения. Землю под склады казенных материалов сможете сдавать в аренду управлению дороги. Там же поставите бараки или постоянные дворы для транзитных, человек на тридцать-пятьдесят. Лес на шпалы, сено для лошадей, провиант, — все это дорога будет закупать у местных жителей. Тут уж кто расторопнее окажется, если сами вы не будете готовы, то быстро пришлые дельцы сыщутся.

Он улыбнулся, видя, как у крестного меняется лицо.

— Вот глядите как у вас сейчас быстро организовали питание после этого чертового взрыва. Никого голодным не оставили. Вот и там тоже поставьте трактир хороший, ну и для простого люда можно что попроще. Вы только на одной кормежке и постое станичную кассу пополните. Если все с умом делать, то и сами заработаете и бардака в своем Лончаково не допустите.

Я слушал и понимал, что Урсати, как опытный в этом деле человек говорит правильные вещи, и если не зевать, то польза станице может быть от этого предприятия очень большая.

— Дело говорите, Александр Иванович, — произнес крестный. — Андрей! Ты все записал?

— Слово в слово, Степан Анисимович.

— Добре, я еще завтра об этом с Денисом Ивановичем поговорю.

С писаниной управился только к вечеру. Перемазанный чернилами, забежал домой, наскоро умылся, сунул за пояс свой трофей с Метеора, тяжелый французский офицерский револьвер Шамело-Дельвиня, и направился к Албазову.

Десятник ждал меня во дворе. Сидел на чурбаке и дымил трубкой, а увидев, кивнул, выколотил ее о каблук и поднялся.

— А, Андрюха, пришел-таки. Ну, показывай свой заморский трофей.

Я достал револьвер. Албазов взял его бережно, со знанием дела. Крутанул барабан, откинул, прищурился, разглядывая клейма сумерках. Фабричное воронение тускло отливало даже в вечернем свете, скрывая мелкие царапины на стали.

— Ишь ты. Семьдесят четвертый год, офицерский. Гляди, как подогнано все: ни люфта, ни зазора. Француз из благородных видать был, не иначе. Вещь надежная, но беда в другом, Андрюх. Калибр одиннадцать миллиметров, патрон короткий. Наш-то Смит-Вессоновский, сюда не залезет. В Петербурге или во Владивостоке ты бы патроны, может быть еще и раздобыл, а в нашем медвежьем углу это больше орехокол, а не оружие. Пойдем-ка со мной.

Он махнул рукой. Мы миновали курень и пошли через двор к неприметному покосившемуся строению, что примыкало к довольно высокому холму. С виду обычный дровяник, заросший бурьяном.

Албазов отворил скрипучую дверь, пахло прелой соломой. Он шагнул в полумрак, отшвырнул сапогом старую рогожу у задней стены и навалился плечом на грубо сколоченные доски. Стена без скрипа подалась внутрь.

Это была тяжелая, обитая войлоком дверь в скрытую штольню, вырытую прямо в холме. Видимо у него все тут рассчитано, и даже в половодье вода не попадает, иначе и смысла рыть никакого нет. Внутри было прохладно, пахло дегтем и ружейной смазкой.

— Заходи, не робей.

Он чиркнул спичкой и зажег керосиновую лампу.

Внутри все было обшито деревянными плахами. Оглядевшись, я аж рот приоткрыл от восхищения. Это ж настоящий скрытый цейхгауз. Вдоль стен стояли оружейные пирамиды, на полках лежали коробки, подсумки и свертки. И ни намека на сырость. Под ногами сухие доски, по углам мешочки с известью, на оружии тонкий слой смазки. Албазов тут не хлам прятал, а обустроивал все на совесть.

Денис Пальч вмиг преобразился в его глазах загорелся азарт коллекционера, и большого любителя всего стреляющего.

— К оружию я трепетно отношусь, Андрей. Всякое повидал, всякое в руках держал. Вот, гляди. Взял ее в стычке на границе. Японская винтовка Мурата, калибр одиннадцать миллиметров. Императорская хризантема на затворе спилена, видать, контрабандой шла.

Он указал на длинную винтовку, потом перевел лампу на другую полку.

— А вот «англичанка», Маргини-Генри. Тяжеленная дура, но бьет так, что медведя навывлет прошить может. Такую в Афганистане или Индии сыскать проще, чем у нас, а поди ж ты, занесло, теперь вот сюда глянь.

Он достал из деревянной коробки вороненый револьвер странной формы, с пропилами на барабане.

— Немецкий Маузер «Зигзаг». Механика у него как в швейцарских часах. Очень дорогая и редкая вещь.

Албазов положил немца на место и повернулся ко мне.

— Я к чему все это начал, Андрюха. Рука твоя еще не скоро заживет так, чтобы берданку толком держать. А пока ты перевязанный ходишь, тебе хорошо бы револьвером обзавестись. А твой трофейный Шамело-Дельвиня без патронов штука бесполезная. Как видишь я собираю разные стволы, нравится мне это дело, и тебе обмен предлагаю.

Он подошел к дальнему углу, покопался в холщовом мешке и достал тяжелый сверток в промасленной тряпиче. Развернул и протянул мне массивный револьвер, потертый на гранях.

— Американский Смит-энд-Вессон третьей модели. Ихний сорок четвертый калибр равен нашему 4,2 линии, так что патроны подходят от армейского револьвера. Машинка не самая новая, зато убойная и надежная. Взял три года назад в схватке с хунхузами, снял с их главаря. У меня такой второй имеется, да и не большая это редкость. Вот и предлагаю тебе махнуть. К нему в довесок две коробки патронов дам.

Я взял револьвер в руку, проверил баланс, вес. Был он и правда массивный, но в руке сидел хорошо. Взвел курок. Механизм щелкнул сухо, люфта я не приметил.

— А мой француз тебе, Денис Палыч, зачем? — спросил я.

Отдавать добытый в схватке ствол было немного жаль. Добротная штука, и больше памятная. Только вот про отсутствие патронов к нему Палыч верно сказал.

— Для коллекции, — улыбнулся в усы Албазов. — Почищу, смажу, будет пока храниться. — Он добродушно улыбнулся, да у нас в Лончаково все знают, что если кому диковинный ствол попадает, то у меня можно сменять.

— По рукам, Денис Палыч.

— Вот и славно.

Албазов забрал Шамело-Дельвиня, а мне протянул две коробки патронов по пятьдесят штук и кобуру.

Попрощавшись с Денисом Палычем, я направился к курению Огородника. Еще на подходе почуял запах дыма, баню дядька раскочегарил на совесть.

Толкнул калитку и вошел во двор. Возле предбанника, прямо на деревянной лавке, расположилась компания. Дядька Аркадий, красный как рак, сидел, откинувшись к бревенчатую стену. Рядом крестный с явным удовольствием тянул из глиняной кружки узвар. Тут же сидел и Александр Иванович, раздумявшийся и довольный.

— О, Андрюха! Явился! — обрадовался дядька. — Давай, заходи, сейчас попаримся с тобой от души.

Он смахнул пот со лба и кивнул на крестного.

— Степан по мне уже так пихтовыми вениками прошелся, что кажись всю хворь выгнал, аж до печенок пробрало. Александр Иванович тоже погреться успел. Давай, Андрюха, скидывай справу. А пока я Степана попарю.

Крестный отставил кружку с узваром и зашел в парную.

Я снял португею с новым револьвером, положил ее на скамью и начал стягивать чекмень, когда из бани услышал шипение воды на раскаленной каменке. А после раздались вопли крестного. Почти сразу дверь предбанника с треском распахнулась, едва не слетев с петель, и Степан Игнатьевич выскочил наружу.

— А-а-ах ты ж, Аркаша, твою ж! — он прыгал, растирая покрасневший бок и тяжело вдыхал свежий воздух. — Чуть не сварил меня заживо!

Следом вынырнул и дядька. В руке он растерянно сжимал пихтовый веник. Похоже, Аркадий Игнатьевич перепутал шайки, и веник в кипятке замочил.

— Аркадий! Вот ты ведь всего-то второй день в станице, а бед от тебя Теперь и меня сварить решил, ирод?

Мы с Александром Ивановичем переглянулись и не выдержав, грохнули со смеху.

— Ну извини, Степан, — виновато сказал дядька. — Ей-богу, перепутал, бывает. Совсем я отвык от нормальной бани, в городе все сначала, а потом и на Ближнем Востоке Давненько в хорошую баньку не хаживал.

Крестный глянул на него, махнул рукой и, ругнувшись, потянулся за кружкой с узваром. А после двор атамана Огородника наполнился раскатистым смехом, разносящимся далеко за пределы засыпающей станицы.

Глава 5. Отрез муслина

Утро началось с раскатистого гудка. Над Уссури показалась чёрная труба парохода «Сунгача». Плицы шлёпали по воде, судно подходило к уцелевшей после взрыва части пристани Лончаково.

Станица сразу пришла в движение. На борт помогали зайти раненым. На носилках осторожно несли и нашего атамана Огородника. Юдинцев ехал с ним, чтобы в дороге следить за раной и передать Дениса Ивановича врачам в Хабаровке с рук на руки.

Дядька Аркадий и инженер Урсати тоже поднялись на палубу. Дядька увозил бумаги, списки погибших, донесение и того самого «писаря». Связанного, под конвоем, его провели на нижнюю палубу, подальше от чужих глаз.

У сходней Аркадий Игнатьевич отвёл меня в сторону. Ещё раз напомнил про манз-отходников. Я кивнул. Намёк понял и без лишних слов.

— И вот ещё что, Андрей, — сказал дядька. — Касаемо куреня твоего на Кубани, в Червлёной. Как тут всё угомонится, выбери время и доберись до Хабаровки. Нужно оформить доверенность на продажу. Я уж бумаги куда надо потом отправлю. Как сделка пройдёт, деньги переводом вышлют. Про это не забывай, племяш.

— Благодарствую, дядя. Всё сделаю, — кивнул я и крепко пожал ему руку.

Пароход дал прощальный гудок и отошёл от пристани. Станичники потянулись к кладбищу. Всех погибших при взрыве хоронили в этот день.

Священник прочел все полагающиеся молитвы. Над свежими могилами прозвучал троекратный ружейный залп. Дым от выстрелов лёг над холмом сизой дымкой.

Когда народ начал расходиться, Степан Анисимович подозвал десятника Макара Остапенко, меня и Олега. Из-за пазухи достал казённый конверт и кожаный кошель. Внутри звякнули монеты.

— Значит так, орлы, — крестный посмотрел на десятника. — Макар, бери своих кубанцев и езжайте в Козловскую. Надо участки в поселенную книгу вписать.

— Сделаем, Степан Анисимович, — кивнул кубанец.

Крестный перевёл взгляд на нас с Олегом.

— Андрей, ты с ними. Я прошение написал, чтобы тебя на учёт поставили и пай земельный отписали у оврага, как уговаривались. Со справой казачьей тоже решать надобно. Письмо отдашь уряднику Семёну Ивановичу, он в канцелярии должен быть.

— Понял, крестный.

— Поедете с Олегом на телеге. — Он протянул кошель Олегу. — После правления зайдёте в скобяную лавку. Возьмёте пуд кованых гвоздей, тяжёлые петли для бани да соли пуда полтора. Потом на почтово-телеграфную станцию. Спросите, нет ли депеш или почты для Лончаково. Всё уразумели?

— Слово в слово, — ответил я.

— Андрей, погоди! — раздался девичий голос.

К нам торопливо шла Саша.

— Саш, ты чего не отдыхаешь?

— Какой там отдых, — отмахнулась она. — Юдинцев Дениса Ивановича в Хабаровку сопровождает, а наши раненые теперь на мне. Перевязки каждый день, мази менять, воду греть Андрей, сделай милость.

Она достала из кармана передника несколько серебряных монет.

— Будешь в Козловской, зайти к торговцам или к портному. Мне бы хороший отрез ткани. Ситец или батист. Что-нибудь яркое, красивое. Хочу платье себе сшить к Ильину дню.

— Сделаю, Саш. Найду время.

Я спрятал деньги за пазуху. День обещал быть длинным.

Через час наш небольшой отряд выехал из Лончаково. Впереди на трёх подводах тряслись Остапенко со своими кубанцами. Мы с Олегом ехали следом на телеге, в которую была запряжена Вьюга.

Дорога до Козловской заняла несколько часов. Кубанцы глазели по сторонам, знакомились с уссурийской тайгой. Сашка Моренченко свесился с соседней подводы и крикнул:

— Значит, у оврага нам земли резать будут, Андрей?

— Там, Саня, новая улица в станице появится, — кивнул я. — Места хорошие. Лес рядом, вода тоже. На мужскую душу до пятидесяти десятин полагается: часть под пашню, часть под сенокос, остальное под лес да выгон. Курени поставить станица поможет.

— Хорошо бы, — мечтательно улыбнулся Саня.

В Козловской жизнь кипела. У правления стояли телеги, сновали казаки, скрипели двери. Оставив Олега присматривать за подводами, мы с кубанцами вошли внутрь.

Семёна Ивановича я высмотрел сразу. Он сидел за крайним столом, обложившись журналами и бумагами.

— Здорово дневали, Семён Иванович. Прибыл из Лончаково, от Степана Анисимовича Кравцова, — сказал я и положил перед ним конверт.

— Слава Богу, Громов, — урядник вскрыл письмо.

Со списками кубанцев он разобрался быстро. Всё было согласовано заранее: внести номера участков в поселенную книгу, поставить подписи. Макар Остапенко, получив бумаги, выдохнул с облегчением.

— Благодарствуем, Семён Иванович.

Когда кубанцы вышли, урядник обмакнул перо в чернильницу и открыл поземельную книгу.

— Теперь насчёт твоего пая. Запишу тебя пока в станичную шнуровую книгу, в общий юрт, к востоку от база Степана Кравцова, ближе к мари. Июль на дворе, казённых чиновников ждать некогда. Хочешь, наверное, до зимы успеть построиться. Поэтому правление делает тебе предварительный отвод под топор.

Он отложил перо и постучал пальцем по столу.

— Как вернешься в Лончаково, то возьми двух стариков от схода, кого с Кравцовым согласовать сможешь, и уже с ними ступайте на место. На глаз отмерите кусок, по углам колышки вобьёте, на берёзах затёсы сделаете, чтоб соседи знали, чья тут земля. И можешь лес валить.

Семён Иванович поправил очки.

— А по осени, когда из Владивостока прибудет войсковая межевая комиссия с землемером, твои колышки проверят. Землемер на карту внесёт, план начертит, мы подписи поставим. Главное, в чужие надель не залезай. Меряй по совести.

— Благодарствую, — кивнул я и спросил: — Семён Иванович, а жалование какое-нибудь мне нынче положено?

Урядник отложил перо и рассмеялся.

— Жалование? Экий ты быстрый, братец. Казак, Андрей, с земли кормится! Жалование идёт, когда ты в реестр вписан, на действительной службе находишься. А куда в станице да в учебной команде, всё только своим горбом. Разве что пошлют в пограничный разъезд или на особый наряд от правления, тогда выпишут кормовые да фуражные на коня. А так паши, охоться, рыбу лови. Земля-матушка твоё главное жалование.

С бумагами на руках я вышел на крыльцо. Остапенко со своими уже отъехал к реке, а Олег скучал на телеге.

— Олег, двигай к скобяной лавке. Присмотри, что там по списку. А я на телеграф заскочу и в швальню. Управишься раньше, жди меня у коновязи на площади.

Брат кивнул и уехал. Я направился к почтово-телеграфной конторе.

Внутри было темновато. За деревянной перегородкой шуршала намотанная на колесо бумажная лента. Телеграфный аппарат мерно постукивал. Я подошёл к высокому столу у стены, взял перо и начал писать письмо, которое давно собирался отправить.

«Кубанская область, станица Пластуновская, уряднику Фёдору Николаевичу Чугунову.

Здорово был, Фёдор Николаевич! Добрался я до Дальнего Востока благополучно. Крестного своего, Степана Анисимовича Кравцова, нашёл. Живу теперь у него в станице Лончаково, на реке Уссури. Жив-здоров, обзавёлся конём и землей. Надеюсь, и вы с Сёмой добрались до родных станиц. Крепко обнимаю, Андрей Громов».

Запечатав конверт, я уже собирался идти к стойке, когда заметил щуплого человека в потёртом городском сюртуке. Он быстро, нервно диктовал текст конторщику, сам при этом то и дело оглядывался на дверь.

— Так и пишите: «Товар отправлен, жду подтверждения от Ивана. Тюки номер пять, семь, сорок два, восемнадцать». Написали? Сколько с меня выходит?

Чиновник равнодушно сосчитал слова карандашом и назвал сумму. Щуплый торопливо рассчитался, надвинул на глаза картуз и вышел, скользнув по мне взглядом.

Конторщик забрал бланк и повернулся к телеграфному ключу.

Я слегка прикрыл глаза, вспоминая услышанное. Память Добрецова откликнулась сразу. Обычная фраза и набор цифр. Шифр? Условная весть? Тюки могли означать всё что угодно: людей, ящики, место встречи, время. Способ простенький, но рабочий.

Я подошёл к конторщику и положил письмо для Чугунова.

— Доброго здравия. Примите письмо на Кубань. И ещё скажите, в Лончаково для атамана Огородника или вахмистра Кравцова ничего не было?

Телеграфист убрал моё письмо в лоток и перебрал стопку входящих депеш.

— Нет, пусто.

— А человек до меня Коммерсант какой-то?

— Тебе какое дело, служивый? Купчик он из приезжих, с утренним пароходом прибыл, — нахмурился чиновник.

— Показалось, что знакомый. В Хабаровке, кажись, виделись.

— Не из Хабаровки он. В Камень-Рыболов телеграмму отправил. Всё, не мешай работать.

Я запомнил приметы щуплого и цифры. При первой же встрече расскажу дядьке Аркадию.

Швальню нашёл быстро. Заправлял там колоритный портной Моисей Абрамович. Приняв мой ордер от Семёна Ивановича, он вытащил сантиметр, перекинутый через шею, и окинул меня цепким взглядом.

— Таки что мы имеем, молодой человек? Чекмень, шаровары. Всё по уставу Амурского войска: тёмно-зелёное сукно, жёлтые лампасы. Снимайте свой чекмень, будем мерить. И глядите осторожно со своей рукой!

— Не Амурского, а Уссурийского войска.

— Молодой человек, не делайте мне путаницу. То, что вас теперь назвали Уссурийским войском, на лампасах пока не пишут. Повернитесь и руку не дёргайте.

Пока он снимал мерки, я думал о справе. Уставная нужна, конечно. Но нужна и другая, повседневная, полевая. Пока начнём с первой, а там, как деньгами разживусь, закажу остальное. Но и по уставной кое-какие мысли имелись.

— Моисей Абрамович, — начал я осторожно, — а чисто из любопытства Можно ли в уставную справу внести изменения? В шароварах сбоку сделать скрытые карманы с клапаном? Или на чекмене под мышками прорези с марлей, чтобы летом не так жарко было?

Портной замер и возмущённо вздёрнул подбородок.

— Изменения?! Молодой человек, я шью казачью форму больше тридцати лет! Чтобы я, Моисей Абрамович, в уставной форме шил карманы и дырки для сквозняка? Вы хотите справу казачью или костюм для балагана?

— Просто интересуюсь. А если на тёмном холсте сделать светлые и тёмные размытые пятна? Чтобы в лесу сливаться с листвой. Такое возможно?

Моисей Абрамович страдальчески закатил глаза, но профессиональная гордость взяла верх.

— Ой, я вас умоляю! При хорошей щёлочи и кислоте можно сделать всё что угодно. Хоть пятна, хоть кляксы. Цвет разъест до серого или бурого, это не проблема. Но на кой вам это случилось, Андрюша? Вы что, собрались в такой форме, аки леопард, по станице ходить?

— На смотр я уставное надену, — улыбнулся я. — Это на будущее. Может, закажу у вас особую накидку для охоты. Хотел знать, сможете ли вы такое сделать.

— За ваши деньги, молодой человек, я сделаю вас невидимым! — фыркнул портной.

— Договорились. И ещё одно дело. Мне бы отрез хорошей ткани. Батиста или ситца, поярче. Девушке на платье.

Портной цокнул языком, подошёл к тяжёлому шкафу и бережно достал рулон тонкой ткани с нежным цветочным узором.

— То, что вы просите, — баловство. А вот это песня, я вам скажу. Настоящий французский муслин. Ваша девушка, когда наденет платье из него, забудет, как дышать.

Он посмотрел на серебро в моей руке и вздохнул.

— Стоит, правда, немного дороже.

— Значит, придётся ситец брать.

— Ша, кто таки вам сказал, что с Моисеем Абрамовичем нельзя договориться?

Он ловко отмерил нужный отрез.

— Вы мне нравитесь, Андрюша. У вас голова работает не только для того, чтобы папаху на ней носить. Берите. А как будете забирать свою пятнистую накидку, зайдёте и долг вернёте. Запишу на ваш счёт.

— Благодарствую, очень выручили.

Я свернул ткань. Взгляд зацепился за портновское чучело в углу. На нём мастер собирал богатую зимнюю шубу.

— Хорошая работа. Моисей Абрамович, а вам мех нужен? Соболиные шкурки, лисьи?

Портной оторвался от муслина и посмотрел внимательно.

— Мех, молодой человек, нужен всегда. Но одна драная белка раз в полгода мне неинтересна. А вот если будет хорошая выделка, без дырок от дроби на самом видном месте, да приносить станете часто, тогда у нас с вами будет такой гешефт, что на ткани для платья экономить не придётся.

— Понял. Благодарствую за помощь.

Я вышел на улицу и направился к коновязи. Нашу подводу увидел сразу. Вокруг неё крутились местные казачата, примерно мои ровесники. Они спорили с Олегом, перекидывая из рук в руки тяжёлый кожаный мяч.

— Что, козловские, опять бока чешутся? — усмехнулся брат. — Забыли, как мы вас в прошлом году на Успение прокатали?

Коренастый парень со сбитой на затылок папахой подбросил мяч и ловко поймал.

— Это вы тогда отскочили, лончаковские! Испугались нынче? Слыхали мы, что ваш Прохор ватагу для килы больше не собирает. Зато наш Демьян теперь в силе, он вас по одному раскатает!

— Это кто тут кого раскатает? — спокойно спросил я, подходя ближе.

Местные обернулись, смерив меня взглядом.

— А, так у вас бойцы-то вона калеченые! — загоготал парень с мячом.

— Рука заживёт, сыграем. Посмотрим, чего ваш Демьян стоит.

В этот миг из-за угла вырулил Сашка Моренченко со своими хлопцами.

— Всё в порядке, парни? — нахмурился Сашка.

— Всё хорошо, Саня. Козловские в килу зовут силами помериться.

— В килу?! А я-то думал, что в неё только у нас на Кубани играют. А ну-ка, дай гляну.

Он взял мяч, взвесил, помял кожу.

— Легковат чуток. Мы дома песком плотнее набивали. Но и этот сгодится.

— Ну так что, по рукам? — спросил местный заводила.

— По рукам, — кивнул я. — На Успение встретимся. Рука как раз зажить успеет. Там и посмотрим, чья возьмёт.

Местные, довольные уговором, двинулись вдоль улицы.

— Для вашей команды я, конечно, староват, — подмигнул Моренченко, — но пару приёмчиков покажу. У себя в станице я в ватаге главным был, и мы ни разу не проигрывали.

— Добре, Сань. Благодарствую.

В скобяной лавке нас встретил приказчик. Он уже подготовил соль и отсчитывал кованые петли для бани. Пока Олег следил за покупками, я прошёлся вдоль прилавков.

У полки с корабельным ломом и инструментом я остановился. На куске ветоши лежал старый морской бинокль. Корпус в царапинах, левая зрительная труба смята, линзы выбиты. Зато правая часть выглядела целой.

Я кивнул приказчику, получил разрешение, взял бинокль, прикрыл один глаз и посмотрел через уцелевший окуляр на улицу. Оптика оказалась отличной. Заграничная, скорее всего немецкая. Увеличение примерно в четыре раза. Если сделать из него прицел для винтовки, может выйти полезная вещь.

— Почём отдашь битый бинокль? — спросил я.

Приказчик смерил меня взглядом.

— Бинокль хоть и битый, но линзы аглицкие, дорогие. Три рубля серебром, и ни копейкой меньше.

— За полтора заберу. Он же поломанный. Кому такой нужен?

— Молодой человек, вы в лавке, а не на паперти. Три рубля. День-другой, и уйдёт.

— Отложи на пару дней. Я выкуплю.

— Никак не могу. Хотите купить, платите, а если нет, то кладите товар на место.

Я подошёл к Олегу, который как раз собирался расплачиваться.

— Олег, сколько денег остаётся?

Он назвал сумму.

— Мне позарез нужен этот бинокль. Давай возьмём гвоздей не пуд, а полпуда. Соли тоже меньше.

Олег округлил глаза.

— Ты белены объелся? Батя с нас обоих живьём шкуру спустит.

— Поверь, так надо. Я с крестным поговорю, всё верну до копейки. С ним дичи набью, пушнины добуду, заработаю.

Олег тяжело вздохнул.

— Вот умеешь ты, братец, так сказать, что потом будто я сам виноватый.

Он подошёл к приказчику.

— Уважаемый, соли отсыпь обратно, да и гвоздей половину оставь. Надо, чтобы вот на эту железку брату хватило.

Приказчик недовольно цыкнул, но занялся делом. Когда разбитый бинокль оказался в моем ранце, в голове уже крутились крепления и всё, что нужно сделать, чтобы довести задумку до ума.

Солнце цеплялось за вершушки сопок, окрашивая тайгу в багровые тона, когда Остапенко натянул вожжи и прижал телегу к обочине. Мы с Олегом тоже придержали Вьюгу.

Из-за поворота тракта, сквозь жёлтую пыль, донёлся странный звук. Металлический лязг, смешанный с шарканьем множества ног.

— Этап погнали, — тихо сказал Олег.

— Откуда и куда? — спросил я, вглядываясь в марево.

— С Хабаровки, на прииски. Тут недалеко золотишко моют. Будут теперь каторжане кайлом махать от зари до зари.

Из пыли вынырнула колонна ссыльнокаторжных. Человек сорок в грязных серых халатах. На спинах жёлтые суконные ромбы, арестантские бубновые тузы. Наполовину выбритые головы, осунувшиеся лица, тяжёлые кандалы на ногах, звенящие в такт шагам. По бокам шли солдаты конвоя с винтовками.

Мы молча сидели на телеге, провожая процессию взглядом. Уссурийский край встречал разных людей. Одни ехали сюда за новой жизнью. Других гнали силой, отрабатывать свои грехи.

Вдруг в третьем ряду арестант споткнулся о глубокую колею. Взмахнул руками и рухнул в дорожную пыль возле нашей телеги, едва не утянув за собой и соседа.

Конвойный тут же оказался рядом.

— Встать! Шевели ногами! — заорал солдат, ещё не решив, бить прикладом или дать подняться.

Каторжанин хрипло выдохнул и, цепляясь пальцами за наше колесо, поднял голову.

Наши взгляды встретились в этот момент.

Лицо заросло клочковатой бородой. Череп наполовину выбрит. На скуле багровел свежий шрам. Но эти бегающие глаза я узнал бы и в темноте.

И он меня узнал.

Сначала в глазах мелькнуло изумление. Потом ужас. Следом бессильная злоба.

У меня перехватило дыхание. В памяти вспыхнул расстрел десяти кубанцев на африканском берегу. Будто они снова встали за моей спиной и смотрели на каторжанина моими глазами.

— А ну пошёл вперёд, курва! — замахнулся конвойный, перехватывая винтовку. — Шагай, Домбровский!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.